

И
А

ИЛЛЮМИНАТОР

Том Стоппард

Современная

классика

мировой

литературы

Розенкранц
и Гильденстерн
мертвы
и другие пьесы

Tom Stoppard

Rosencrantz and Guildenstern Are Dead
and Other Plays

Том Стоппард

Отражения, или Истинное

OCR Busya<http://lib.aldebaran.ru/>
Том Стоппард «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», серия
«Иллюминатор»: Иностранка; Москва; 2006
ISBN 5-94145-384-1

Аннотация

Британец Том Стоппард – наверное, самый известный и популярный сегодня европейский писатель, работающий для театра. Его пьесы – уникальное сочетание словесной игры и лингвистической виртуозности, сложных конструкций, комических трюков и философских размышлений. Своей первой значительной пьесой «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», признанной «самым замечательным драматургическим дебютом шестидесятых», как писал тогда влиятельный «Обсервер», Стоппард разом покорила театральный мир по обе стороны Атлантики и собрал огромный урожай престижных литературных и драматургических премий. Позже Стоппард сам стал режиссером ее экранизации, за которую получил венецианского «Золотого льва».

В сборник вошли и другие пьесы: «Травести» – блестящая интеллектуальная игра, где партнерами автора выступают Уайльд и Шекспир, Ленин и Джойс «Аркадия»,

которую уверенно называют лучшей пьесой второй половины XX века; а также «Отражения, или Истинное». «Художник, спускающийся по лестнице» и «День и ночь».

Содержание

Акт первый	6
Сцена первая	6
Сцена вторая	16
Сцена третья	46
Сцена четвертая	49
Акт второй	61
Сцена пятая	61
Сцена шестая	77
Сцена седьмая	85
Сцена восьмая[8]	98
Сцена девятая	100
Сцена десятая	108
Сцена одиннадцатая	110
Сцена двенадцатая	116

Том Стоппард

Отражения или Истинное

Посвящается Мириам

Действующие лица

Макс – на вид ему лет сорок.

Шарлотта – на вид тридцать пять.

Генри – на вид сорок.

Анни – около тридцати.

Билли – выглядит на двадцать два.

Дебби – семнадцать лет.

Броуди – двадцать пять.

Акт первый

Сцена первая

Макс и Шарлотта.

На вид Макс вовсе не силач, но задрать такого не станешь. Шарлотта не красавица, но располагает к себе с первого взгляда.

Гостиная. Возможно, кульман. Приоткрытая дверь ведет в невидимую для зрителя прихожую к невидимой входной двери. Еще одна-две двери ведут в другие комнаты.

Макс один, сидит в удобном кресле, рядом – бокал с вином и открытая бутылка. Из колоды, игральных карт он строит на кофейном столике пирамиду в несколько ярусов. Сейчас он как раз складывает две карты шалашиком, собираясь поставить наверх последний ярус. Слышно, как отпирают входную дверь. Она открылась – в прихожей меняется освещение. Макс не обращает внимания, он сидит почти спиной к двери.

Макс. Не хлопай...

Дверь захлопывается – не слишком сильно. Карточная постройка рушится.

(Продолжает весьма философски)...дверью.

Шарлотта, еще в пальто, заглядывает в комнату.

Шарлотта. Это я.

Снова исчезает в прихожей.

Макс не собирает разлетевшихся карт. Отпивает, не поднимая глаз из бокала.

Шарлотта, уже без пальто, входит в комнату, в руках у нее чемоданчик и полиэтиленовый пакет с аэропортовской надписью «Без пошлины». Ставит чемоданчик на пол, подходит к Максy сзади и целует в макушку.

Привет.

Макс. Привет, любовница.

Шарлотта. О, как приятно. Ты меня раньше так называл.

Кладет пакет ему на колени и идет обратно к чемодану.

Макс. А, это ты. Я думал, любовница. *(На подарок не смотрит. Перекладывает пакет на пол, возле своего стула.)* Где была?

Шарлотта удивлена. Нагнувшись было за чемоданом – хотела отнести его в спальню, – она распрямляется. Чемодан остается на прежнем месте.

Шарлотта. Как – где? В Швейцарии. Забыл, что ли?

Макс наконец поднимает на нее взгляд.

Макс. Хорошо выглядишь. На пользу пошло.

Шарлотта. Что – один день в Швейцарии?

Макс. Что-то пошло... Уж не знаю – что!.. Как там Бзель?

Шарлотта. Кто?

Макс секунду молчит – притворяется, будто задумался.

Макс. Бзель, говорю. А по-твоему, «Базель»? Я всегда произношу «Бзель».

Шарлотта. А... да... По-моему, «Базель».

Макс (*дурашливо напевает*). Даввай все отменим, Даввай все забуду...

Шарлотта недоуменно смотрит на него.

Шарлотта. Выпить хочешь? (*Оценивает бутылку, бокал и поведение Макса. С нажимом, но без укора*).

Еще выпить хочешь?

Он улыбается, допивает вино, протягивает бокал. Она берет, находит второй, наливает, отдает Максу его бокал.

Макс. Так как старина Бзель? Скрипит потихоньку?

Шарлотта. Ты что, слегка навеселе?

Макс. Еще бы.

Шарлотта. Я не была в Базеле.

Макс проявляет к ее словам сдержанный, но явный интерес.

Макс. Разве? А где ж ты была?

Шарлотта. В Женеве.

Макс (*удивленно хихикает*). В Женеве! (*Отпивает вино.*) Ну и как, в таком случае, старушка Женева? Как

франк поживает?

Шарлотта. Кто?

Макс (*притворно удивлен*). Швейцарский франк. Держится пока?

Шарлотта. Ты здоров?

Макс. Как бык.

Шарлотта. Как справлялся без меня?

Макс. Неплохо. Рекорд поставил: у домика одиннадцать пролетов в нижнем ярусе. Жаль, не достроил – карт не хватило.

Шарлотта. А проект твой как? Что там нынче?

Макс. Гостиница.

Шарлотта. А, помню. У тебя еще лифты не вписывались.

Макс. Я все придумал.

Шарлотта. Молодец.

Макс. Опрокину гостиницу набок – будет одноэтажная, вот и лифт не нужен. Только непонятно, что с бассейном делать: сейчас он на кровле, а переверну – вода вытечет. Кстати, как озеро?

Шарлотта. Какое озеро?

Макс (*изображает крайнее удивление*). Женевское. Ты же не на Лох-Несс ездила. Женевское озеро. Ведь оно возле Женевы? Наверняка. Его б Женевским не назвали, будь оно возле Бзеля, то бишь Базеля. Его б так и назвали: Бзельское, то бишь Базельское. Сама знаешь, швейцарцы народ надежный. Как швейцар-

ские часы. И, что самое потрясающее, без всякой электроники. Не поддались они на этот обман. Помню первые электронные часы. Чтоб цифры увидеть, надо было рукой трясти, будто градусник стряхиваешь. И продавались только в Токио. Но ведь вытеснили пятнадцать камешков, напрочь вытеснили! На мировом рынке только и слышно: «Конец зубчатой передаче!» Впрочем, швейцарцы в панику не ударились. Сперва, для отвода глаз, тоже электронные часы выпускать стали – чтоб японцам вовсе голову заморочить. На этом себе тоже мощну набили. А теперь японцы не знают, куда деваться со своей электроникой. Волосы на голове рвут. Да ничего не попишешь – моде этой конец, вышло электронное время! Такие часы просто обречены на гибель, у них это в схеме заложено, помяни мое слово. Я про моду всегда скажу: когда придет, когда уйдет. И насчет этой доски на роликах. И нувель кюизин – все эти выверты кулинарные – я тебе тоже предрекал. Вот увидишь: и с электронными часами не промахнусь. Нет в них изысканности, породы нет. Сухо, технологично... Даже с приличными запонками не наденешь. И швейцарцы давным-давно это поняли. А твой товар как – ходкий?

Шарлотта смотрит непонимающе.

Шарлотта. Что?

Макс (*изображает удивление*). Товар, говорю, ходкий? Как шел? Хорошо в Женеве поторговали?

Шарлотта. Что с тобой?

Макс. Проявляю интерес к твоей работе. Я думал, тебе нравится, когда я интересуюсь твоей работой. Нравится, чтоб интерес проявлял! Для тебя это играет значение. Тьфу, черт, имеет... Помню, как же ты рассердилась, когда я сказал кому-то: «Моя жена работает не то у Сотби, не то у Кристи, точно не помню». Ты меня тогда неверно поняла. Думала, хочу остроумцем за твой счет прослыть. А я и вправду забыл. Кстати, как там старина Кристи? Доволен женевским спросом? Небось отлично брали?!

Шарлотта ставит бокал и подходит к Максуплотную.

Шарлотта (*пытаясь остановить поток его слов*). Хорошо.

Макс. Хорошо? И только-то? Ох уж эти швейцарцы. Страшно консервативный народец. Им бы у японцев уму-разуму набраться. Давно б уже китов в Женевском озере промышляли. А, кстати, как склоны? Показались? Снегу много?

Шарлотта. Замолчи... Замолчи... Замолчи... Что стряслось?

Макс. Ты забыла паспорт.

Шарлотта. Что?

Макс. Съездила в Швейцарию без паспорта.

Шарлотта. С чего ты взял?

Макс. А я его нашел в ящичке для рецептов.

Шарлотта. Боже милостивый!

Макс. Вот и я так думаю.

Шарлотта отходит и смотрит на него с изумлением.

Шарлотта. Что ты там искал?

Макс. Паспорт.

Шарлотта. В жизни бы не додумалась – среди рецептов...

Макс. Я тоже не сразу додумался.

Шарлотта. Зачем тебе мой паспорт?

Макс. Я не знал, что попадется именно паспорт. Понимаешь?

Шарлотта. Похоже, понимаю. Значит, когда меня нет, ты роешься в моих вещах?

Пауза.

(Озадаченно). Но зачем?

Макс. Мне нравилось ничего не находить. Ну что тебе стоило положить паспорт в сумку? Мы бы так и остались идеальной парой. В кавычках.

Шарлотта. Но тогда ты, очевидно, проверял бы таможенные печати?

Макс. А вот это в точку! Я уже видел, что, когда ты была в Амстердаме, ни в каком Амстердаме ты не была. И знаешь, я перед тобой даже преклоняюсь! Ведь изловчилась привезти матери салфетки с Рембрандтом! Воистину есть мелочи, которые возвышают прелюбодение из сферы моральной до высокого искус-

ства.

Шарлотта. Я бы на твоём месте замолчала.

Макс. Подумать только! Салфетки с репродукциями Рембрандта! Интересно, у кого оригиналы? Наверно, у какого-нибудь богача араба. «Обед готов, Абдул. Клади Рембрандтов на стол».

Шарлотта. Словно нас опять обокрали... Опять вторжение, опять насилие. Только хуже.

Макс. Я тебе не вор. Я тебе муж.

Шарлотта. Я и говорю. Хуже.

Макс. Ну... Прости. Надо же – прошу прощения за то, что тебя во лжи уличил. Все с ног на голову. И как ей это удастся?

Шарлотта поворачивается, хочет уйти.

Ты куда-то идешь?

Шарлотта. Спать.

Макс. И не скажешь, кто он?

Шарлотта. Кто – он?

Макс. Любовник твой, любовник.

Шарлотта. Который?

Макс. Я думал, у тебя один.

Шарлотта. Разве?

Макс. О, так ты их вместе принимаешь или порознь? Простите за дерзость. Ну, давай так – если по отдельности, кивни.

Она лишь смотрит на него.

Бог мой. Ну, может, у тебя сегодня остался свобод-

ный вход? Так и я не занят. Найдется мне место? Любковников же всего два, правда? Ну, кивни!

Она смотрит на него.

Господи, да ты темная лошадка! И как же они втроем справляются? Вместе работают, как Марксы-циркачи? Надеюсь, я тебя не расстраиваю?

Шарлотта. Ты меня недооцениваешь.

Макс *(с интересом)*. Ого! Значит, струнный квартет? Ничего себе история! *(На миг задумывается.)* А четвертый-то что делает?

Шарлотта замахивается.

А, понял. Сам с собой играет. Ну, ударь меня, ударь. Я тебя не трону. Терпеть не могу штампов. Поэтому и верен тебе до сих пор.

Шарлотта скрывается в прихожей и появляется уже в пальто.

Шарлотта. Если не возражаешь, я все-таки пойду. *(Делает шаг к двери.)*

Макс. Чемодан забыла.

Пауза.

Шарлотта возвращается, берет чемодан. Несет к двери.

Шарлотта. Ты переволновался. Очень сочувствую. Только сделал ты все не так. Впрочем, еще не поздно сказать что-то уместное. Если знаешь – что. *(Ждет.)*

Макс *думает*.

Макс. Я его знаю?

Шарлотта. Я тебя не знаю.

Хлопает дверь.

Слышно, как открывается и закрывается входная дверь. Макс сидит неподвижно. Потом тянется за пакетом, кладет его на колени, заглядывает внутрь. И хохочет. Вынимает стеклянный сосуд с миниатюрными Альпами. Встряхивает, и в вазе поднимается снежный вихрь. Постепенно он заполняет сцену.

Музыка – запись поп-группы – служит переходом к следующей сцене.

Сцена вторая

Генри, Шарлотта, Макс и Анни.

Генри обаятелен, добродушен, но может за себя постоять. Шарлотта не так обаятельна, но постоять за себя может еще лучше. Макс приятен, лишен самоуверенности, говорит примиряюще. Анни как раз такая женщина, какой Шарлотта была в молодости.

Гостиная. Проигрыватель и стойка с пластинками. Воскресные газеты. Из динамиков слышна музыка. Генри ищет какую-то пластинку, вокруг разбросаны конверты.

Двери ведут в прихожую, в кухню, в спальню. Входит Шарлотта, босиком, в слишком просторном для нее халате Генри. Шарлотта растрепанна и неумыта – она только что проснулась. Генри на миг отрывается от пластинок.

Генри. Привет.

Не отвечая, Шарлотта проходит вперед, садится и окидывает комнату безнадежным взглядом.

Шарлотта. О Боже...

Генри. Может, тебе лучше лечь? Кофе хочешь?

Шарлотта. Не знаю. (Следующие ее слова можно отнести к чему угодно, хоть к раскиданным пла-

стинкам.) Все вверх дном.

Генри. Не волнуйся... Не волнуйся.

Продолжает искать пластинку.

Шарлотта. Пожалуй, я правда лягу.

Генри. Знаешь, я позвонил Максу.

Шарлотта. Что? Зачем?

Генри. Мне перед ним совестно. Он сейчас зайдет.

Шарлотта *(резко)*. Не хочу его видеть...

Генри. Ну извини, так вышло.

Шарлотта. Генри, я всерьез.

Генри. Погоди-ка. По-моему, нашел. *(Снимает с проигрывателя прежнюю пластинку – к этому времени она уже, вероятно, кончилась. Ставит новую.)*

Между тем разговор продолжается.

Шарлотта. Ты еще не всю анкету заполнил?

Генри. Не-а.

Шарлотта. Книгу-то любимую выбрал?

Генри. «Поминки по Финнегану».

Шарлотта. Ты хоть читал ее?

Генри. Не глупи. *(Опускает иглу на пластинку, слушает несколько тактов – звучит Штраус или нечто под Штрауса. Поднимает иглу.)* Нет... Не то... Проклятье. *(Прячет пластинку в конверт.)* Помнишь, когда мы ездили не то в Борнмут, не то в Дюавилль, под самыми окнами была открытая танцплощадка?

Шарлотта. Не помню.

Генри. Наверняка помнишь. Я тогда писал пьесу о

Сартре, а чертов оркестрик за двадцать минут отыгрывал репертуар и тут же принимался сызнова. Я высунулся в окно, разорался, а управляющий гостиницы...

Шарлотта. Это было в Санкт-Морице. *(Презрительно.)* Борнмут!.. Тоже мне...

Генри. Так что это было?

Шарлотта. Ты о чем?

Генри. Ну, как мелодия называлась? Похоже на Штрауса с компанией.

Шарлотта. Напеть можешь?

Генри. Конечно, нет.

Шарлотта. Так с кем же ты в Борнмут катался?

Генри. Не валяй дурака. Завтра с меня потребуют восемь пластинок, а у меня всего пять, да «Поминки по Финнегану».

Шарлотта. Ну, если ты и название не помнишь, и напеть не можешь, зачем, скажи на милость, она тебе на необитаемом острове?

Генри. Не обязательно, чтоб были только любимые.

Шарлотта. Разве?

Генри. Конечно. Просят назвать восемь пластинок, связанных с «вехами вашей жизни».

Шарлотта. Допустим, я – веха в твоей жизни. Когда ты увез меня в Санкт-Мориц, ты был без ума от песни «Роннетс» «Да-ду-рон-рон».

Генри. Это же «Кристалз»! «Роннетс», тоже мне...

Шарлотта встает, тоже ищет пластинку – впол-

не успешно. Ставит ее на проигрыватель. Разговор тем временем продолжается.

Шарлотта. Ты неверно взялся за дело. Набери восемь действительно любимых пластинок, а потом вспомни, с чем и с кем они связаны. Я не права?

Генри. Да пойми! Я же считаю себя драматургом-интеллектуалом. А предстану перед публикой полным идиотом, если объявлю завтра во всеуслышанье, по радио, что целыми днями слушал «Да-ду-рон-рон» в исполнении группы «Кристалз». И смел при этом обвинять Сартра в легковесности. О, слушай, идея! Как-то давным-давно Дебби поставила пластинку – знаешь, из тех, что вроде классика, а вроде и не классика. Ей тогда лет десять-одиннадцать было, еще волосы не выкрасила. И я тебе тогда сказал: «Вот этим дрянным мотивчиком меня чуть не довели, когда я сидел в Швейцарии и писал «Жан-Поль – сердитый король». Может, Дебби вспомнит?

Шарлотта. А где она?

К этому времени Шарлотта поставила пластинку. Звучит «Ледовый вальс».

Генри. На конюшне. Да, вот же – та самая музыка! *(Довольный, ликующий, разглядывает конверт от пластинки.)* «Ледовый вальс»! Как ты догадалась?

Шарлотта. В Альпах в середине зимы нет открытых танцплощадок. Только катки. У тебя теперь шесть пластинок.

Генри. Что ты, эта не подходит. Слишком банально.

Звонок в дверь. Генри останавливает пластинку.

Это Макс. Впускать?

Шарлотта. Нет. Скажи, меня нет.

Генри. Он прекрасно знает, что ты здесь. Где тебе еще быть? Ладно, скажу, что ты не хочешь его видеть, поскольку видела предостаточно. Годится?

Шарлотта *(сдаваясь, со вздохом)*. Пойду оденусь.
(Скрывается в спальне.)

Генри через другую дверь выходит в прихожую. Сначала слышны голоса, потом появляются Генри с Максом.

Генри. Привет, Макс. Заходи.

Макс. Привет, Генри.

Генри *(входя в гостиную)*. Давненько тебя не видел.

Макс неуверенно входит.

Макс. Но ты ведь, кажется, ушел в глухое подполье?

Генри. Да, Макс. Прости уж. *(Кивает на спальню.)* А Шарлотты нет. Ну, ты-то как поживаешь?

Макс. Нормально.

Генри. Вот и хорошо.

Макс. А ты?

Генри. И я нормально.

Макс. Это хорошо.

Генри. Видишь, у всех у нас все нормально.

Макс. А у Шарлотты?

Генри. Я, конечно, не думаю, что она безумно счаст-

лива. Кофе или вскроем?

Макс. Лучше вскроем.

Генри. Тогда погоди. (*Уходит на кухню.*)

Макс без особого интереса разглядывает газету.

Из спальни выходит Шарлотта. Она одета, но довольно небрежно. Рассматривает Макса. Наконец она ее замечает.

Макс. Здравствуй, дорогая.

Шарлотта. У меня что – и выходных нет?

Макс (*извиняясь*). Генри позвонил...

Шарлотта (*уже мягче*). Ну ладно. Макс, все нормально.

Генри деловито выходит из кухни с откупоренной бутылкой шампанского и апельсиновым соком. Здесь же, в гостиной, находит бокалы. Наливает.

Генри. Привет, Шарлотта. А я как раз говорил Макс, что тебя нет. Макс, знаешь, я тебе очень рад. Что поделываешь?

Макс. Он шутит?

Генри. Да нет, я не о театре. До чего ж актеры чувствительны. Думают, я про них забыл, если на спектакли не бегаю.

Макс (*обращаясь к Шарлотте*). Я как раз делал Генри выговор, что он к нам носа не кажет.

Шарлотта. Если бы ты эту пьесу написал, тоже сидел бы тише воды, ниже травы. (*Обращается к Генри.*) Ты, никак, задумал соком меня поить? Номер не пройдет.

Генри. Нет, что ты! Всем шипучего! Кутить так кутить. Сегодня я безрассуден, расточителен, знаменит, влюблен, а на будущей неделе потерплю кораблекрушение и паду жертвой «Пластинок Робинзона».

Макс. Тебя пригласили на радио?

Генри. Да, влип. Держи, любовница. Кстати, как вечерок вчера провели?

Шарлотта. Тоска. Опять притворяться пришлось.

Генри. Ох, и остроумная мне жена попалась. Я про спектакль спрашиваю.

Шарлотта. А я про него и отвечаю. Напрасно я согласилась играть в пьесе Генри.

Макс. А я не напрасно, я доволен.

Шарлотта. Конечно, ты доволен, болван. Ты ж ему не жена.

Макс. А, тогда понятно.

Шарлотта. Видишь, Максусу понятно. И он глубоко прав.

Макс. Но я ничего не говорил!

Генри. Ну как все-таки вчера было?

Шарлотта. Неважно. Партер пустоват на две трети примерно. *(С наигранной невинностью.)* Ой, прости, дорогой, ты о чем спрашиваешь?

Макс *(неодобрительно)*. Шарлотта, ну в самом деле! Все нормально, Генри, честное слово. И смеялись там, где надо – для субботней публики вполне сносно. Ко мне даже после спектакля подходили – мол, сцена

примирения очень трогательно вышла. Да, кстати. Они еще сказали – ерунда, разумеется, но лучше я передам тебе... Сдается мне, что они правы... Ну, в общем, текст про японцев и электронные часы публика не понимает... Не ясно, о чем речь. Может, вычеркнем? Ну, на один спектакль, на пробу, а?

Генри останавливает его жестом, точно постовой машину.

Генри. Минутку, Макс. *(Обращается к Шарлотте.)* Партер на две трети пуст или полон?

Шарлотта бесстыдно смеется.

Шарлотта. Неудачный заход, Макс. *(Поднимает бокал.)* За заключительный спектакль! Да рухнет «Картонный домик»!

Макс *(в ужасе)*. Шарлотта!

Шарлотта. Тебе хорошо – играешь самого Генри, шампанское попиваешь и текст говоришь лизаный-перелизанный. Он смеется, у него смеются – все там, где надо... А я червяк, наживка для публики. Мои стоны тоже там, где надо. Стоны, охи-ахи, а потом – бац – пол зала застонало и уходит! Любовника-то у нее, оказывается, нет! Они тут же теряют ко мне всякий интерес. Я просто жертва его фантазии: тихая женушка, преданная мужу и работе, с ящичком для рецептов и гордостью с фиговой листок: «Ты переволновался... Очень сочувствую... Еще не поздно сказать что-то уместное...»

Макс. Боже, Шарлотта!

Шарлотта (*весело*). Да заткнись ты, Макс. Вот если бы он меня любовником снабдил вместо временного паспорта – зал бы ломился.

Генри. Слушай, не рановато ли ты завелась? С самого утра...

Шарлотта. Наоборот, дорогой, поздновато.

Макс. Э-э, а где сегодня юная Дебора?

Шарлотта. Кто?

Макс. Дебби.

Шарлотта (*озадаченно*). Дебби?

Макс. Дочь твоя где?

Шарлотта. Ах, дочь...

Генри. В конно-спортивной школе.

Шарлотта. А вот этот текст уже из чужой пьесы. Для Генри главное – диалог красивый выстроить. А дети – фи, это же так некрасиво, только и разговоров, что об угрях да прыщиках. Генри такие диалоги писать не умеет. Нет в нем исследовательской жилки.

Генри. Это верно.

Макс (*Шарлотте*). Многие пары и в жизни не заводят детей – не только на сцене. Мы с Анни, например...

Генри. Не надо. Макс. Я ей раз сказал, что некоторые женщины хороши сами по себе, без детей, они как бы рождены бокалы наполнять. Ты бы слышал, как она взбесилась. (*Беспечно, но зная, что делает, протягивает Шарлотте пустой бокал.*) Плесни-ка.

Макс (*бросает взгляд на Шарлотту и вызывает огонь на себя*). Позволь мне. (*Забирает у Генри бокал, наполняет из бутылки и графина.*)

Шарлотта. Многие мужчины тоже рождены бокалы наполнять, им другого не дано – чего ж ты про них не пишешь?

Макс отдает Генри бокал.

Генри (*улыбаясь Макс*у). Очень рад, что ты заглянул.

Шарлотта. Еще бы не радоваться! С тебя теперь причитается. Ты же его нарочно позвал – утешать свое самолюбие. Пуп земли. И слова нужные наготове – всплывают при первой необходимости. Кстати, вот вам главное отличие театра от жизни. Все придумано заранее! Ну, представь: Генри выясняет, что у меня есть любовник. Станет он упражняться в остроумии и нести вздор про рембрандтовские салфетки? Черта с два! У него дух перехватит, он скорчится весь, будто коленом между ног двинули... Генри! Ге-е-енри? Не отвечает! Генри, ау! Скажи что-нибудь остроумное.

Генри (*поворачивается к ней*). Я его знаю?

Макс (*поднимаясь*). Ну, спасибо за шампанское...

Шарлотта. Сядь, Макс. Сядь, Бога ради, а то он решит, что любовник – ты.

Генри. Макс, это не ты?

Макс. Ради Христа!

Оседает обратно в кресло.

Генри. Шутка, Макс. Пустая болтовня. Диалог стро-

им, понимаешь?

Звонок у входа.

Ну, понял?

Макс. Анни обещала зайти, если заседание рано кончится. Она ведь в этом... в «Комитете защиты Бродуди». Слыхали?

Пауза.

Пойду открою.

Генри. Я открою.

Макс. Нет, сиди. Это точно Анни. Я сам. *(Идет открывать.)*

Шарлотта. Ну, спасибо, удружил. Кто еще пожалует?

Генри. А ты подай на стол какой-нибудь дряни... Или сама на столе станцуй. Тут же уйдут.

Шарлотта. Скажи лучше, какого черта ты ему позволил?

Генри. Ну, написал я текст – единожды. А Максу каждый вечер его говорить приходится. Меня совесть замучила.

Шарлотта. А за меня тебя совесть не мучает?

Генри. Конечно, мучает. Хочешь, на столе тебе станцую?

Шарлотта. Ты только Анни о Бродуди не расспрашивай.

Генри. Ладно.

Шарлотта. А то заведется про козлов отпущения и круговую поруку – уши вянут.

Генри. Ладно, понял.

Шарлотта (*с воодушевлением*). Дорогая! Сколько лет, сколько зим!

Входит Анни, за ней Макс. В руках у Анни сумка с овощами и зеленью.

Анни. Здравствуй, Шарлотта. Очень рада тебя видеть.

Макс. Мы только на минутку.

Анни. Генри, как дела?

Генри. Отлично.

Макс. Сегодня митинг протеста, Анни там распорядителем, поэтому мы не можем...

Генри. Слушай, заткнись. Не обращай на Макса внимания. Я его огорчил. Анни. Чем это?

Генри. Да ничем. Спросил, не он ли любовник Шарлотты, а он обиделся.

Анни. Так он или нет?

Генри. Нет, судя по всему. В магазин ходила?

Анни. Да попался магазинчик на обратном пути... Пусть это вам будет, вместо цветов.

Шарлотта (*забирает у нее сумку и изучает содержимое*). Дорогая, грибы-то зачем?

Анни. Неуместно, конечно...

Шарлотта (*ведет себя весьма бесцеремонно*). И репа!

Анни (*несчастливым голосом*). И морковь... Наверно, не совсем уместно...

Генри. А мясо где?

Шарлотта. Заткнись.

Анни. Лучше б я цветы принесла.

Шарлотта. Что ты! Так намного лучше!

Генри. Весьма оригинальный букет. Сейчас вазу при-
несу.

Анни. Их же есть надо, а не любоваться.

Генри. «Есть, а не любоваться». Идеальное назва-
ние для порнографического ревю.

Шарлотта. Пойду соус сделаю.

Макс. Не возись, ради Бога. Мы же не будем есть.

Генри. Соус – дело нехитрое.

Анни. Может, лучше я?

Шарлотта. Нет-нет, я знаю, где что лежит.

Генри. О да. Шарлотта скрасит соусом любую пор-
ноху. И знает, где что лежит.

*Шарлотта разбирает овощи. Генри достает че-
твертый бокал.*

Присаживайся, шампанского выпей. Сегодня я без-
рассуден, расточителен, знаменит, влюблен, а на бу-
дущей неделе потерплю кораблекрушение и паду жер-
твой «Пластинок Робинзона». Могу и тебя с собой
взять, там есть графа: «Единственная роскошь, кото-
рую вы можете себе позволить». Хочешь быть моей
роскошью?

Анни. Боюсь, я для тебя чересчур роскошна.

Макс. А восемь пластинок выбрал?

Генри. В том-то и загвоздка. Ненавижу музыку.

Шарлотта. А точнее, он любит поп-музыку.

Генри. Совершенно не обязательно повторять каждое мое слово.

Макс. Ну «поп» так «поп», что особенного?

Шарлотта. Да то, что он ханжа, только шиворот-навыворот. Любит поп-музыку, но считает это постыдным. *(Уносит овощи на кухню, закрывает за собой дверь.)*

Генри. Она права. Проблема в том, что я люблю не ту поп-музыку, какую надо. Если «Пинк Флойд» затесались среди симфоний и мадам Дженет Бейкер – это допустимо: вносит свежую ноту, обнаруживает широту твоих вкусов или, на худой конец, искренность. Но мне, как на грех, нравятся «Ум-ум-ум-ум» в исполнении Уэйна Фонтаны и его «Майндбендерз».

Макс. «Ум-ум-ум-ум»?

Генри. Песня так называется. *(Напевает.)* Ум-ум-ум-ум... И Найл Седака мне нравится. Помнишь «О, Кэрол»?

Макс. Ну, Генри...

Генри. Да, я старомоден. Люблю «Херманс Хермитс», «Хоулиз», «Братьев Эверли», Брендю Ли, «Сьюпримз»... Не все, разумеется. Мне не певцы нравятся, а отдельные вещи.

Макс. Все ты врешь! Не может такая музыка нравиться!

Генри *(настойчиво)*. Еще как может! Но почему-то

считается, что за живое берет только серьезная музыка. Пригласили меня как-то в Ковент-Гарден послушать некую Каллас в некоем зарубежном мюзикле без всяких танцев – люди душу дьяволу продавали, лишь бы билеты достать. Считалось, послушаю я эту самую Каллас – и вмиг от моего недуга излечусь. Точно это не театр, а центр восстановления музыкально неполноценных. Недуг же мой в ту пору подсказывал, что «Ты утратила чувство любви» в исполнении «Праведных Братьев» на лондонском диске – несравненное, неподражаемое сочетание звуков, гармония, наивысший взлет человеческого духа. Считалось, что эта певица вправит мне мозги.

Макс. Бесплезно?

Генри. Абсолютно. Может, в первую тридцатку она б у меня и вошла... И то сомневаюсь.

Макс. Значит, остался верен «Братьям»?

Генри. Ага. Думаешь, меня Бог обделил?

Макс. Конечно. По-моему, ты просто идиот.

Генри. Ну и что же мне делать?

Макс. Да уж ничего не поделаешь...

Генри. Ну, насчет «Пластинок Робинзона»?

Анни. Ты и сам отлично знаешь.

Генри. Отказаться от передачи?

Макс. О, слушай, вспомнил! (*Поет, сильно фальшивя.*) «Ты утратила чувство любви»...

Генри. Ты подумай! Отвращающая терапия! Любовь

отбивает напрочь.

Макс (*поет*). «...чувство любви... Ты утратила чувство любви...».

Генри. По-моему, он меня сейчас вылечит!

Макс (*поет*). «...оно навеки у-у-ушло-о-о... оу-оу...»

Генри (*радостно*). Чудовищная дрянь! Ты просто целитель! А теперь давай «О, Кэрол».

Макс. Я ее не знаю.

Генри. А я тебе поставлю, послушай.

Макс. Лучше пойду Шарлотте помогу.

Анни. Мне бы надо пойти.

Макс. Нет, я первый придумал.

Входит Шарлотта с миской в руках.

Шарлотта. Один соус готов.

Макс. А я как раз иду помогать.

Шарлотта. Ладно, будешь шинковать.

Макс. Отлично. Пошли шинковать... (*Уходит на кухню.*)

Шарлотта ставит миску на стол и собирается последовать за Максом.

Генри сует палец в миску, облизывает.

Генри. Чего-то не хватает.

Шарлотта. Что?

Генри. Не хватает чего-то. Изюминки в нем нет. Может, чесноку добавить? Или лимонного сока? Сам не знаю.

Шарлотта (*холодно*). Может, кухарку наймешь?

Генри. Нет, это расточительство. Кухарка зальет нас майонезами, мы захлебнемся лимонным соком. Нам столько не переварить. А куда излишки девать?

Шарлотта. На сцену, вероятно. Вместе с прочим бредом, который ты несешь. *(Выходит на кухню, закрывает за собой дверь.*

Пауза.

Генри. Ты в порядке?

Анни кивает.

Анни. А ты?

Генри кивает.

Обними меня.

Генри качает головой.

Обними меня.

Генри. Нет.

Анни. Ну же, обними меня! Пожалуйста.

Генри. Нет.

Анни. Обними.

Генри. Нет.

Анни. Трус.

Генри. Я тебя все равно люблю.

Анни. Да, говори.

Генри. Я тебя люблю.

Анни. Еще.

Генри. Люблю тебя.

Анни. Да-да!

Генри. Люблю.

Анни. Ну тогда обними. Войдут не войдут, какая разница? Ну, рискни, поцелуй!

Генри. Анни, ради Бога!..

Анни. А хочешь, дам быстренько – прямо на ковре?

Генри. Свихнулась.

Анни. Меня совершенно не волнует, что ты обо мне думаешь.

Генри. Еще как волнует.

Анни. Совершенно не волнует. Я тебе все врала.

Пауза.

Генри улыбается.

Ненавижу воскресенье.

Генри. Видишь, хотел тебя подбодрить, позвонил наудачу, а Макс схватил трубку первым. Пришлось наспех выдумывать повод.

Анни. Я бы все равно зашла. «Привет, Генри, привет, Шарлотта, иду мимо, не видела тыщу лет»...

Генри. С огнем играешь.

Анни. У меня как раз такое настроение – с огнем поиграть. Давай сбежим, пока они репу режут?

Генри. Совсем сбрендила.

Анни. Сбежим, и все решится само собой. Макс будет страдать. Шарлотта заставит страдать тебя и потребует алименты. С Дебби будешь встречаться по воскресеньям, а через три года она вообще поступит в университет и плевать на нас на всех хотела...

Генри. Дело не в Дебби.

Анни. А, ну да, ты хочешь выждать время.

Генри. Хочу.

Анни. Выждать, чтоб все изменить, испортить, опозлить и – окончательно увериться, что это тоже подделка!

Генри. Я чужих жен не краду.

Анни. Большое спасибо.

Генри. Ты же знаешь, о чем я.

Анни. Разумеется, знаю. Ты меня любишь, но признать это во всеуслышанье стыдно. Как любовь к расхожим шлягерам. Вот я и говорю: большое тебе за это спасибо!

Распахивается кухонная дверь, появляется Макс, драматически размахивая порезанным пальцем.

Макс. Только не волнуйся! Платок есть?

Анни. Макс! Что случилось?

Анни и Генри начинают действовать – ищут платок. Генри находит у себя в кармане – белый и чистый.

Генри. Держи.

Макс. Спасибо. Нет-нет, я сам.

Анни. Давай посмотрю.

Макс. Порез неглубокий, только крови много. *(Обрастаясь к Генри.)* Черт бы подрал твою кухню: кругом шампанское – и ни салфетки, ни полотенца...

Анни. Бедный мой! Ну, поддержи вот так.

Макс. Лучше суну опять под холодную воду. *(Напра-*

вляется к двери.)

Генри. Макс, ты уж прости. Она и меня однажды чуть не зарезала.

Макс выходит, дверь остается открытой. Генри и Анни продолжают говорить о своем, но потише – чтоб не услышали на кухне.

Анни. Прости меня.

Генри. Это ты прости.

Анни. Ничего. Все хорошо.

Генри подходит и быстро целует ее.

Генри. А будет еще лучше.

Анни. Как?

Генри. Может, нас застукают.

Анни. Проще самим признаться. Тому, кто первый войдет, ладно? Если Макс – говорю я. Если Шарлотта – начинаешь ты. Давай? Это же так просто. Помнишь, как в том фильме со скалы прыгали? Разом – и с головой в воду. Всего-то две семьи и один ребенок. Ну, давай?

Шарлотта входит с кухни с подносом. На нем салатницы с нарезанными овощами.

(Обращаясь к Генри). Давай?

Звучит беспредельно откровенно, но – в то же время – безопасно, комар носа не подточит. Так Анни и Генри и будут говорить дальше: о своем среди общей беседы, в присутствии Шарлотты и Макса.

Шарлотта. Макс показал вам руку? Он резал крас-

ную капусту. Теперь-то я у него все ножи изъяла. И он готовит еще один соус. Говорит, гавайский. Подавать положено в пустом ананасе. Но ананаса у нас нет. И Макс хочет подать его в пустой банке из-под ананасового компота. Хорошо иметь остроумного мужа, я тебе завидую. Генри утверждает, что у него есть чувство юмора, но на самом деле это рефлекс, знаешь: «шутка-смех», «шутка-смех». Эй, Генри? Мысль его блуждает! Ананас, ананас... Эй, дорогой, вернись!

Генри (*обращаясь к Анни*). Нет, прости.

Анни. Ладно, все хорошо.

Шарлотта (*раскладывает приборы*). Дебби собиралась обедать дома?

Генри (*обращаясь к Анни*). Не очень-то.

Шарлотта. Что?

Генри. Нет. Она не придет.

Анни (*допивает вино в своем бокале*). А где Дебби?

Генри. В конно-спортивной школе. Еще налить? (*Забирает пустой бокал у нее из рук.*)

Анни. Я люблю тебя.

Шарлотта. Пока она не села на лошадь, она сама жрала как лошадь.

Генри *наполняет бокал Анни.*

Генри. Я за ней должен заехать. (*Возвращает бокал Анни.*) Шампанское сойдет?

Шарлотта. Поедешь за ней?

Анни. Все равно...

Входит Макс с гавайским соусом в консервной банке.

Макс. Вот и мы.

Анни. Теперь все сойдет...

Макс. Соус по-гавайски.

Генри. Ты мировой парень.

Шарлотта. Молодец, Макс.

Анни. Ты тоже. *(Подходит к Макс, окунает палец в соус, пробует.)*

Макс. По-моему, всего хватает. Как ты думаешь? *(В другой руке у Макса носовой платок Генри с пятнами крови; протягивает его владельцу.)* Спасибо. Что с этим делать?

Генри *(забирает)*. Ничего, давай так. *(Сует платок в карман.)*

Анни *(Максу)*. Неплохо. *(Шарлотте.)* Можно, я кое-что добавлю?

Шарлотта. Конечно. И спрашивать нечего.

Анни. Я быстро. *(Забирает у Макса банку, идет на кухню.)*

Шарлотта *(обращаясь к Генри)*. Зря ты над ней трясешься. Могла б и пройтись, тут полчаса ходу.

Макс. Кто, куда?

Шарлотта. Дебби.

Генри. Пока они весь навоз вывезут...

Шарлотта. Жокей их в седло подсадит или под себя положит...

Генри (*без улыбки*). Гомерический хохот.

Макс. Я б на вашем месте ее одну не пускал. На пустыре недавно кого-то убили. Нечего гусей дразнить.

Шарлотта. На убийство Дебби не пойдет. Разве что вздует маленько. Нет, я ее совершенно не понимаю.

Анни возвращается с соусом.

У приличных людей дочери на пони катаются.

Проходя мимо Генри. Анни, не останавливаясь, невозмутимо сует ему палец в рот.

Анни. Вкусно?

Шарлотта. У некоторых дочери панкуют. Ну а наша верхом гоняет, точно «Последний из могижан».

Генри. Свихнулась.

Анни отдает соус Шарлотте.

Шарлотта (*обращаясь к Анни*). А у вас как – несовместимость спермы или с трубами нелады? А может, ты просто детский писк не выносишь?

Макс. Шарлотта!

Генри. Ну какое тебе дело?

Шарлотта (*кивает на Генри*). Он-то в свою дочь просто влюблен!

Анни. Разве это не естественно?

Шарлотта. Нет, милочка. Естественно, когда она в него.

Генри. Слушай, Анни, а чего вы в этом Комитете добиваетесь? Шарлотта спрашивала, а я не смог объяснить.

Макс. Ну, ты же знаешь – дело рядового Брууди!

Анни. Да ладно тебе...

Макс. Анни его знает.

Анни. Не сочиняй.

Макс. Расскажи, как ты с ним в поезде познакомилась.

Анни. Да. Познакомилась.

Пауза.

Генри с нескрываемым интересом ждет продолжения.

Генри. Ну и?...

Анни (*смущенно смеется*). Да я, по-моему, уже рассказывала.

Генри. Но мы тебя сто лет не видели.

Макс. Анни ехала в Лондон с дачи. Верно?

Генри. Верно?

Анни. Да.

Генри (*ошеломленно*). И где же у вас дача?

Анни. В Норфолке.

Генри. В Норфолке? Неужели прямо в горах?

Анни (*раздраженно*). В каких горах? Норфолк плоский, как... (*Останавливается на полуслове.*)

Шарлотта. Очень смешно. Генри, прекрати высмеивать!

Генри. О чем ты, не понимаю? Значит, ты направлялась в Лондон из своего плоского Норфолка – то есть с дачи – и повстречала этого солдата прямо в поезде?

Анни. Да.

Макс. Просто удивительное совпадение. Броуди ехал на антиядерную демонстрацию, и Анни как раз туда же!

Генри. Неужели?

Анни. Да.

Генри. А как же вы друг друга узнали? У него значок, что ли, на форме красовался – «Нет ракетам»?

Анни. Он был в штатском.

Макс. Вообрази, какая смелость, какая сила духа! Простой солдат, получив увольнительную, идет на демонстрацию против их дурацких ракет.

Генри. Их? Я думал – наших.

Макс. Нет, американских.

Генри. А, тогда, конечно, их.

Макс. Видишь, какая силища моральная! Человек идеи! Не то что мы.

Генри. Мы?

Макс. Ну, мы с Анни.

Генри притворяется, что не понял.

У нас же собственность в тех краях, в Малом Бармуте.

Генри. Ага, понимаю. Значит, у рядового Броуди нет дачи в Малом Бармуте.

Макс. Конечно, нет. Он из Шотландии родом. За нами, подальше, у них военная база. Он, собственно, и сторожил эти самые ракеты, из-за которых наш Бармут

попал в заложники русским воякам. До войны, конечно, не дойдет, упаси Боже...

Генри (*обращается к Анни*). Теперь все понятно.

Анни. Что тебе понятно?

Генри. Все яснее ясного. Раз Малый Бармут не собирается объявлять России войну – не стирайте его с лица земли, он тут ни при чем. Правильно?

Макс. Совершенно правильно.

Шарлотта. Генри, заткнись.

Макс. Он что – издевается так?

Шарлотта. Представь себе.

Макс. А над чем? Убей Бог, не понимаю.

Генри (*радостно сдаваясь*). Ты прав, все крайне серьезно. Значит, встретила ты в поезде этого Броуди, а он возьми да и скажи: «Вижу, вы на демонстрацию едете, в Лондон?» Так дело было?

Анни. Нет. Он вспомнил меня по сериалу, в котором я в юности снималась. Он был тогда совсем маленьким и смотрел по телевизору «Рози из Королевского приюта».

Макс. Представляешь, узнал! Точно Анни только вчера играла Рози из Королевского приюта. Он сам-то еще ребенок.

Анни. Ему двадцать один год.

Макс. Сущее дитя.

Генри. Это дитяtko, если не ошибаюсь, свернуло шею двум полицейским?

Макс. Пошел ты... *(Обращается к Шарлотте.)*
Если ты и вправду хочешь разобраться что к чему, – приходи на митинг.

Шарлотта. Надо бы, конечно, только жаль выходной тратить. Гостей принимать и то лучше. К счастью, не все люди подобны мне. Есть и такие подвижники, как Анни.

Генри. Может, мне сходить?

Шарлотта. Ты не годишься. Ты вроде меня. Правда, Анни?

Анни. Тебе же Дебби из конной школы забирать.

Генри. Я и в самом деле намерен вступить в «Комитет в защиту Бродди». Жаль, раньше не сообразил.

Шарлотта. Им не нужны дилетанты. И у тебя должны быть серьезные мотивы. Как у Анни.

Генри. Бродди желает выбраться из тюрьмы. Ему без разницы – по каким мотивам ему помогают.

Макс. Ну, и по каким же, к примеру?

Генри. Ну, допустим, кого-то волнует, что его образ в глазах публики дал сильный крен вправо. А кто-то другой влюбился в члена этого самого комитета и мечтает завоевать ее расположение.

Шарлотта. Твой случай первый или второй?

Генри. Думаешь, шучу? Отнюдь. Нет четкой границы между общественным и личным.

Макс. Кто это сказал?

Генри. Я сказал, болван.

Макс. Нет, мысль чья?

Генри. Ах, мысль... *(К Анни.)* Забирай его на митинг.

Я им сыт по уши.

Анни. Он не пойдет.

Генри *(смакуя каждое слово)*. Ты – не – идешь – на – митинг?

Макс. Так уж вышло. Я бы пошел, но тогда я подведу партнера, мы с ним в сквош¹ играем.

Генри. Сквош? Интересная моральная дилемма. Как поступил бы на твоем месте Святой Августин?

Макс. Не думаю, чтоб Святой Августин играл в сквош.

Генри. Разумеется, с ним играть бы никто не стал. Но тем не менее. Делаем весы из морковки и ананаса. И размышляем. На одной чаше весов партнер Макса по сквошу. Порядочный человек, но потеря не самая значительная. На другой чаше весов Броуди – отъявленный головорез, поджигатель, осквернитель национальных святынь, но – ему предстоит тухнуть в тюрьме годы и годы, и все, вероятно, из-за неспособности общества его понять, постичь его раздвоенность. Он же хулиганствующий пацифист!

Макс. Я хулиганов не защищаю, пусть даже хулиганов-идеалистов. Я только...

¹ Сквош – игра, похожая на теннис, но играют в нее в закрытом помещении, и мяч отскакивает от стен. По желанию театра можно заменить на теннис. *(Здесь и далее – прим. перев.)*

Генри. Что касается хулиганства и вандализма, поджог мемориала павшим, да еще с помощью венка неизвестному солдату, который пошел на растопку, – поступок не самый благоразумный. По-моему, он нарывался.

Макс. Ну конечно, нарывался, идиот ты этакий! Но он захлебнулся в собственных эмоциях.

Генри. И утонул. Так не бывает.

Макс. Почему не бывает?

Генри. Не бывает, чтоб в «эмоциях» «захлебнулся». Невозможное сочетание слов.

Макс. Господи Боже. Знаешь, Генри, конечно я в твоём доме и пью твое вино, но извини мне...

Генри. Меня. Не мне, а меня. Макс.

Макс. Ты прав. *(Решительно ставит бокал и встает.)* Пошли, Анни. Ты какой-то ущербный. Чего-то в тебе недостает. Слова-то ты все выучил. Жонглировать умеешь. Но жизнь – это не только слова.

Генри. Знаешь, а ведь больно...

Макс. Пускай Броуди не интеллектуал и тебе не чета, но он шел в бой за идею, а схлопотал шесть лет за глупую браваду и драку. И если б не Анни, его бы тут же забыли, недели бы не прошло. Вот это и есть жизнь – этакое месиво из удач, неудач, людских страстей, и иметь на все готовый ответ вовсе не обязательно. Кто ты такой, чтоб говорить с Анни свысока? Да она стоит десятка таких, как ты.

Генри. Это я знаю.

Макс. Прости, Шарлотта.

Шарлотта. Эк он тебя отбрил. Генри.

Макс идет в прихожую. Шарлотта тоже выходит, укоризненно взглянув на Генри. Анни встает. Во время дальнейшего разговора она двигается по сцене, на Генри почти не смотрит.

Генри. Зато я мог все время смотреть на тебя и – никаких подозрений.

Анни. Когда ты едешь за Дебби?

Генри. К четверем. А что?

Анни. К трем. Я буду в машине.

Генри. А как же Броуди?

Анни. Пошел он к черту. *(Выходит, закрывает за собой дверь.)*

Звучит поп-музыка: «Мне предстоит что-то хорошее», группа «Херманс Хермитс».

Сцена третья

Макс и Анни.

Гостиная. Макс один, слушает маленький радиоприемник – звучит по-прежнему «Херманс Хермитс», но уже тише. Расположение мебели и дверей разительного напоминает начало сцены первой. Слышно, как за сценой ключом отпирают и потом захлопывают входную дверь. Из прихожей на миг показывается Анни, в пальто. Она торопится.

Анни. Включил? *(Исчезает, снова появляется – уже без пальто.)* Много я пропустила?

Макс. Минут пять-десять.

Анни. Черт. На машине успела бы к началу.

Макс. Где ты была?

Анни. Ты же знаешь – на репетиции.

Музыка умолкает, слышится голос Генри – он отвечает на вопросы в программе «Пластинки Робинзона». Вскоре Макс выключит радио, а пока беседа Генри с журналистом неразборчиво вплетается в разговор действующих лиц.

Макс. Как поживает Жюли?

Анни. Кто?

Макс. Жюли. Фрекен Жюли из Стриндберга. Фрекен Жюли из пьесы Августа Стриндберга. Как она?

Анни. Ты в своем уме?

Макс. Может, это и...

Анни. Тише, потом...

Макс. Может, это и не важно...

Анни. Макс, ну дай же послушать!

Макс выключает радио.

В чем дело? Ты сердишься?

Макс. Может, это и не важно, но в машине, впереди, между сиденьями, я нашел вот это. *(Показывает грязный, в кровавых пятнах, белый носовой платок.)*

Анни. Что это?

Макс. Платок Генри.

Анни. Ну и отдай ему. *(Тянется за платком.)* Давай я постираю, и отдашь Шарлотте в театре.

Макс. Я ведь Генри сразу отдал, как кровь остановил... Когда Генри был в машине? *(Пауза.)* И платок был только в крови, а теперь... Или у тебя насморк? Значит – вы с Генри... Вы его замарали, он – грязный, грязный! И ты – грязная! Грязная, мерзкая потаскуха! Ты... ты... *(Сидит неподвижно, сдавленно рыдает; справляется с собой, может говорить.)* Скажи... ведь ничего не было?

Анни. Было.

Макс. Господи... Зачем?...

Анни. Мне очень жаль. Макс, но...

Макс *(обрывает, с внезапным спокойствием)*. Ладно, пусть. Было так было. Ничего.

Анни. Мне очень жаль, Макс, но я люблю его.

Макс. Не может быть.

Анни. Может.

Макс. Нет, нет, не любишь.

Анни. Люблю. И он меня любит. Ну вот, сказала. Мне очень жаль, но так лучше. Надоело врать.

Макс *(вновь со слезами на глазах)*. Нет, Анни, нет! Я люблю тебя... Не уходи!

Анни. Не надо так, прошу тебя!..

Макс. И давно ты с ним? С ним – Боже правый!..
(Яростно бьет по радиоприемнику.)

Снова звучит музыка – «Праведные Братья» поют «Ты утратила чувство любви» – словно бы Макс резким ударом включил радио на полную громкость. Он хватает Анни – поначалу грубо, но тут же оказывается, что он ее обнимает. Анни не отвечает, терпеливо сносит его объятия, пусто смотрит через плечо Макса.

Сцена четвертая

Генри и Анни.

Гостиная. Явно временное жилище, разделенное рейкой-вешалкой для одежды на правую и левую половины – «мужскую» и «женскую».

Генри один, пишет за столом. Расположение дверей и мебели сразу напоминает сцену вторую. На полу – картонные коробки с папками, газеты, письма, сценарии, афиши и программы... Беспорядочно наставлены каталожные ящички. Видна также тахта. На ней или возле нее – воскресные газеты и сценарий в твердом переплете. Из радиоприемника негромко льется поп-музыка.

Из спальни выходит Анни, босиком, в слишком просторном для нее халате Генри. Генри, оторвавшись на полуслове, взглядывает на нее и вновь начинает писать.

Анни. Меня нет. Обещаю.

Подходит к тахте и, стараясь не шуршать, раскрывает газету. Генри пишет. Анни кидает на него один взгляд, второй. Он не замечает. Она встает, заходит за спинку стула, заглядывает через плечо. Он не замечает. Она обходит стол, встает прямо перед Генри. Он не замечает. Она распахивает ха-

лат. Он не замечает. Она снова заходит ему за спину, смотрит через плечо. Он поворачивается, хватается ее – от неожиданности она вскрикивает, смеется. Стоят обнявшись.

Генри. Называется «ее нет»!

Анни. Ну, прости, прости, я исправлюсь. Буду сидеть и учить роль.

Генри. Не будешь ты учить.

Анни. Я в другую комнату уйду.

Генри. А эта чем плоха?

Анни. Нет-нет, ты должен писать для меня пьесу.

Генри. Не идет у меня эта пьеса. Уволь.

Анни. Но ты же обещал. Мне в подарок.

Генри. Ну ладно, ладно... Тогда не уходи, расскажи что-нибудь. *(Выключает радио.)* Запомню ритм, манеру речи, напишу страничку, потом затащу тебя в постель, потом еще страничку, потом снова... Слушай... *(Счастливым голосом.)* ...тебе хорошо?

Анни кивает.

Анни. Да. А тебе?

Он кивает.

Анни. *(Радостно и виновато)*. Но ведь это ужасно. Макс страдает, а я... так счастлива. Рядом с этим счастьем его страдания как-то безвкусны. Некрасиво так говорить? Но он забрасывает меня письмами, к телефону с репетиции требует – то агентом моим назовется, то родственником. Любит меня и хочет, чтоб и я

его болью мучилась. А я никакой вины не чувствую, он меня попросту раздражает. Скучно все это, неинтересно... Вы, писатели, никогда об этом не пишете.

Генри. О чем – об этом?

Анни. Про безответную любовь пишут и пишут, на страдания любящих извели море чернил. А каково тем, кого любят! Им же скучно, безмерно скучно, но вы об этом – молчок. Мне кажется, это...

Генри. Серьезный пробел в литературе?

Анни. Что? Нет, я хочу сказать...

Генри. Непростительный писательский предрассудок?

Анни. Да нет, это просто очень интересно.

Генри. Ах, интересно...

Анни. Ну, это показывает... Ладно, проехали...

Генри. Как спалось?

Анни. Слушай, а почему мы пропустили? Куда ты пропал?

Генри. Пришел – ты спишь...

Анни. Сам виноват. На меня снотворное быстро действует, сразу надо было приходиться, как обещал.

Генри (*кивнув на стол*). Нельзя бросать на полуслове – всю ночь бы маялся.

Анни. Ясно, медовый месяц позади. Две недельки, а дальше – дрыхнуть спиной друг к другу...

Генри. Ну, я-то не дрых, я сперва...

Анни. Решь ты все.

Генри. Истинная правда. Ты спала без задних ног, но все рефлексy работали.

Анни. Врунишка.

Генри. Честное слово.

Анни. Почему не разбудил?

Генри. Захотелось, чтоб ты помолчала разок. Слушай, пьеса все равно не пишется, так, может, нам...

Анни. Ах ты старый греховодник... Нарочно буду роль учить.

Генри. Хочешь, подчитаю?

Она бросает на Генри испытующий взгляд, но по-дает пьесу, открыв на нужной странице.

Анни. Признайся – ночью ничего не было?

Генри. Еще как было.

Она читает роль без всякого подъема.

Анни. «Tres gentil, Monsieur Jean, Tres gentil!»²

Генри (*читает*). «Vous voulez plaisanteur, Madame!»³

Анни. «Et vous voulez parler francais?»⁴ Где вы научились?

Генри. «В Швейцарии. Я работал в Люцерне официантом в одной из лучших гостиниц».

Анни. «В этом пальто вы истинный джентльмен... charmant!». Развратник.

² Прекрасно, месье Жан, прекрасно!

³ Вы изволите шутить, мадам!

⁴ А вы изволите говорить по-французски?

Генри. «Вы мне льстите...».

Анни. «Я – вам?! С чего вы взяли?»

Генри. «Скромность не позволяет мне принять ваши слова всерьез. И она же подсказывает, что это всего лишь комплимент, то есть лесть».

Анни. «Где это вы научились так изъясняться? Верно, часто бываете в театре?»

Генри. «Да, захаживаю...».

Анни. Генри, тебе не надоело?

Генри. Да нет... Просто сам я любовь не умею писать. Вроде пишу как положено, а выходит одно расстройство. Или по-детски, или слишком грубо. Причем грубятина лезет подростковая, подворотная... Короче, не то. После «Пластинок Робинзона» моя репутация и так на волоске висит. К тому же я, как на грех, стыдлив. Может, попробовать что-нибудь совсем возвышенное? Белый стих, поэтический образ... Не писать, как принято: «Когда у меня грудь обвиснет, ты меня не разлюбишь? – Конечно, нет, ведь ценю-то я тебя за задницу». А напишу что-нибудь этакое: «Слово чести, пред ликом твоим прячет взор свой смущенно луна»... Как думаешь, попробовать?

Анни. Пожалуй, не стоит.

Генри. Не стоит... А я не знаю. Любовь – нелитературна. На бумаге этого счастья не выразишь – выходит либо банальщина, либо похоть. Читаешь и просто звереешь: слов много, а литературы нет. Да я говорю и то

лучше!

Анни. А ты подтекст создавай. Мой Стриндберг, например, весь пронизан страстью и – ни одного грубого словечка. Мило беседуем, потом он чуть прикусывает мне палец, я часто-часто дышу, он быстро обнимает, целует в шею...

Генри. Кто?

Анни. Джеральд. Знаешь, здорово!

Генри преувеличенно громко хохочет. Анни продолжает холодно.

Написано здорово, я имею в виду.

Генри. Давай и мы попробуем: ты дышишь, я обнимаю...

Она отталкивает его.

Анни. Отстань. Сам потом будешь злиться...

Генри. Разве я когда-нибудь злюсь?

Анни. Всякий раз, когда тебя от работы отвлекают.

Генри. Почему же, я люблю, когда меня... развлекают. Вот, скажем, вчера – отлично с тобой развлекались...

Анни. Да не развлекают, господи, отвлекают! Ты о чем-нибудь другом думать можешь?

Генри. Конечно, нет. Больше ни о чем.

Анни. Вот именно. Тебя и с телеэкрана совратить можно.

Генри. Кто это меня совратил?

Анни. Миранда Джессоп!

Генри. Ну, эту пьесу я по долгу службы смотрел.

Анни. В жизни бы не смотрел, если б не Миранда.
Она тебя совратила.

Генри. Да я открытку получил от ее агента: не посмотрю ли, как она играет в этом телеспектакле, как его...
«Театр Троцкого».

Анни. А глаза на экран поднимал, только когда она раздевалась. Думаешь, я не заметила? Потому и снотворное приняла – черт с ним, думаю, не буду стесняться.

Генри. Идиотка. Ей, может быть, в моей пьесе играть – надо было хотя бы из приличия посмотреть и составить какое-то...

Анни. У нее, кстати, грудь уже обвисла.

Генри...мнение.

Лини. А хочешь мое? Ее переоценивают.

Генри. Согласен. Отпишу агенту, что у них один шанс из десяти.

Она хлопает его рукописью по голове.

Из ста!

Анни снова хлопает.

Ну хотя бы из тысячи?

Анни. Все шутишь – и все не к месту.

Генри. Да что с тобой? Я ее и не знаю совсем...

Анни. Узнаешь поближе – понравится. У нее трусы из леопардовой кожи.

Генри. Ты-то откуда знаешь?

Анни. Мы с ней в одной гримуборной переодевались.

Генри. Но не всегда же она в таких.

Анни. Она вообще чаще всего без трусов!

Генри. «Слово чести, перед ликом твоим»...

Анни. Заткнись, а?

Генри. Ты что, ревнуешь?

Анни. Нет.

Генри. Ну а сердисься почему?

Анни. Ничего я не сержусь. Займись делом.

Анни притворно углубляется в пьесу. Генри с притворным усердием берется за прерванную работу.

Пауза.

Генри. Прости меня.

Анни. За что?

Генри. Не знаю. Мне к Дебби пора, не хочется идти, не помирившись. Может, вместе поедем?

Анни. Нет. И напрасно я в прошлый раз поехала. Ей из-за этих нервов никакой радости.

Генри. Каких нервов? Она не...

Анни. Зато ты нервничал.

Пауза.

Генри. Ну ладно. Вернусь около двух.

Анни. Меня дома не будет.

Пауза.

Генри (*припомнив*). Ах да, опять в тюрьму с визитами... Ты весьма... предана своему Броуди.

Лини. Тебя что-то удивляет?

Генри. Просто, по-моему, тебе некогда заниматься благотворительностью. И дачи у тебя теперь нет.

Анни. Не суди по себе. Бывают и другие мотивы.

Генри. Какие там другие!

Анни. Ну, просто мы с ним знакомы...

Генри. Подумаешь, дорожное знакомство.

Анни. Значит, ему повезло. Другим политзаключенным не посчастливилось встретить меня в поезде.

Генри. Это Броуди политзаключенный?

Анни. Но полиция-то на него набросилась за политическую акцию, с нее все началось, значит, это...

Генри. Априори?

Анни. Нет же...

Генри. Де-факто?

Анни. Да пойми, любой невинный человек сопротивляется аресту, он же знает, что он – не преступник!

Генри. Разве поджог – не преступление?

Анни. Преступление – дома поджигать. А поджечь венки на могиле неизвестного солдата – это протест, символ! Неужели разницы не видишь?

Генри (*старательно выбирая слова*). Да, разумеется... Разница огромная.

Анни смотрит недоверчиво.

Анни. К тому же он – захлебнулся в эмоциях.

Пауза.

Генри. Слушай, неужели из настоящей леопардовой

кожи? Или просто ткань с таким рисунком?

Анни (*бросается на него внезапно и яростно*). Ты меня не любишь, как я тебя! Просто от Шарлотты отдыхаешь! Смена впечатлений.

Генри. Да, новых впечатлений много, и какие яркие! Я таких дурех в жизни не видывал. Я тебя очень люблю. И не понимаю, чего ты бесишься.

Анни. Что тут непонятного? Ревность для любящих естественна. А вот то, что ты не ревнуешь – неестественно. Значит – не любишь.

Генри. Помнится, ты говорила, что не ревнива...

Анни. Ну а ты-то, ты – неужели нисколько меня не ревнуешь?

Генри. К кому?

Анни. Да к кому угодно. Тебе, например, безразлично, что Джеральд Джонс норовит лизнуть меня в ухо при каждом удобном случае.

Генри. И всего-то?

Анни. Ну почему ты всегда надо всем смеешься! Обидно даже...

Генри. Но ты же к нему равнодушна!

Анни. Я-то равнодушна, но почему ты принимаешь это как должное?

Генри. Глупо ревновать без причины.

Анни. Но почему все-таки тебе все равно?

Генри. Мне не все равно.

Анни. Нет, все равно.

Генри. Ладно. Все равно. Тебе интересно – почему? Да потому, что я чувствую свое превосходство. Твой Джеральд – нищий, подбирает крохи с барского стола. Самонадеянность выдает его с головой. И ты права. Мне абсолютно все равно. Он мне даже симпатичен. Какая тут ревность? Ведь ты всегда возвращаешься домой, ко мне. И нам так хорошо вдвоем. Я люблю любить и быть любимым. Люблю любовь, страсть: она отъединяет тебя и того, кого любишь, от прочих – серых, неразличимых. У мира отныне два лика: любимый человек – и все остальные. Ты и они. Я так тебя люблю.

Анни. А я тебя.

Целуются. Звенит будильник на наручных часах

Генри. Генри и Анни отрываются друг от друга.

Генри. Прости.

Анни. Смотри под копыта не угоди.

Генри. А ты – под Броуди.

Генри идет к двери. Останавливается, кивает Анни. Она кивает в ответ. Он выходит.

Анни медленно подходит к письменному столу, смотрит на исписанные страницы. Включает радио, звучит музыка Баха. Возвращается к столу и рассеянно выдвигает один из ящичков. Оставив его открытым, идет к двери, на миг исчезает в прихожей, появляется вновь и закрывает за собой дверь. Подходит к одной из картонных коробок, выкладывает на пол перед собой стопку бумаг и, присев на корточки,

*начинает тщательно и неспешно просматривать.
Бах все звучит.*

Акт второй

Сцена пятая

Генри и Анни.

Два года спустя. Другой дом. Гостиная-кабинет. Три двери. По облику Генри и Анни тоже должно чувствоваться, что прошло два года. Возможно, Генри в начале сцены читает в очках. Или он, допустим, отрастил усы. У Анни может измениться прическа. На проигрывателе крутится пластинка – звучит опера Верди. Телевизор, видеомаягнитофон, а на столе Генри – крошечный радиоприемник и пишущая машинка.

Генри один, читает отпечатанную на отдельных листах пьесу. Несколько секунд спустя из спальни или из кухни выходит Анни, бросает на Генри внимательный взгляд, а потом садится и смотрит, как он читает. Прислушивается к музыке. Генри поднимает на нее глаза. Анни смотрит на него.

Анни. Ну, говори.

Генри. Э-э... Штраус.

Анни. Что?

Генри. Или нет, не Штраус.

Анни. Я про пьесу спрашиваю.

Генри (*кивает на страницы*). Ах про пьесу...
Анни (*презрительно*). Штраус!.. Какой же Штраус,
если поют по-итальянски?

Генри. Разве? (*Прислушивается.*) И в самом деле.
Значит, опера итальянская. А кто у нас писал итальян-
ские оперы? Верди.

Анни. А точнее?

Генри. Джузеппе.

По лицу Анни он видит, что говорит не то.

Монте?...

Анни. Какая опера, спрашиваю?

Генри. Ах опера... (*Уверенно.*) «Мадам Баттер-
фляй».

Анни. Издеваешься? (*Подходит к проигрывателю,
выключает.*)

Генри. Клянусь, я действительно...

Анни. Как был невежей, так и остался. Два года с то-
бой бьюсь.

Генри. Да нравится мне твоя классика, честное сло-
во, нравится. Композиторов только путаю... Они же все
одинаково пишут – и за десять лет не разберешься, кто
есть кто. А слух у меня получше твоего: тебе что «Бра-
тья Эверли», что «Сестры Эндрюз» – никакой разницы.

Анни. Потому что ее и нет.

Генри. Так, может, нам разводиться пора? Или по-
слушаем что-нибудь приличное?

Анни. Нет.

Генри. Ладно, ставь свой опус номер раз. Для симфонического оркестра. *(Напевает начало Пятой симфонии Бетховена.)* Да-да-да-дааа...

Анни. Ну, хватит болтать, занимайся делом.

Генри. Ладно. *(Смотрит на рукопись.)* Может, не я первый это заметил, но интересная вещь: во все времена великие начинались на букву Б: Бетховен, Большой Боппер...

Анни. Буква – единственное, что их роднит.

Генри. Не скажи. Еще – оба умерли. А ты знаешь, что вместе с Большим Боппером на том же самолете разбились Бадди Холли и Ричи Валенс?

Анни. Нет, не знаю. Ты что, решил не читать пьесу?

Генри. А Бадди Холли было всего двадцать два... Представляешь, сколько бы он еще сделал? Погибни, скажем, Бетховен в авиакатастрофе в двадцать два года – и вся история музыки пошла бы по-новому. Как, впрочем, и история авиации.

Анни. Генри!

Генри. Помню я про его пьесу, помню! *(Снова смотрит на рукопись.)*

Анни. Много прочитал?

Генри. У тебя к этой пьесе профессиональный интерес или чисто личный?

Анни. Что значит «чисто личный»?

Пауза.

Генри. У тебя к этой пьесе личный интерес или чисто

профессиональный?

Анни. А сам ты как думаешь?

Пауза.

Генри. Пауза.

Анни. Пожалуй, я смогла бы сыграть...

Генри. Мэри? Конечно – даже без грима.

Анни. Вот и отлично. «Три сестры» все равно сходят.

Генри. Неизвестно. Сестры – народ упрямый.

Анни. Да две другие беременны.

Генри. Ничего, пару строк дописать – и порядок.

Анни. Если ты пьесу Броди доработаешь, скажем, за месяц...

Генри. А я думал, ты в Глазго едешь, на эту кровосмесительную роль.

Анни. Я еще не решила.

Генри. Так решайся. Классика, Уэбстер, рыцарские страсти – прелесть!

Анни. Это Форд,⁵ а не Уэбстер. Да и в Глазго ехать...

Генри. А что, севернее Лондона ты уже не играешь?

Анни. Просто думала – ты заскучаешь без меня. Извини, ошиблась.

Генри. А я думал – ты меня с собой возьмешь. Извини и ты.

Анни. Да ты не то что на месяц, на неделю бы не поехал!

⁵ Форд Джон (1586–1639) – английский поэт и драматург. Уэбстер Джон (1580–1624) – английский драматург.

Генри. Что верно, то верно. Я уж так, по инерции. Но я бы скучал!

Анни. Придется поскучать: Глазго и вправду – не ближний свет.

Генри «стреляет» ей в лицо указательным пальцем.

Генри. Ага! Значит, все-таки едешь? И репетиции будут там?

Анни *(кивает)*. Неделю здесь, потом там. *(Кивает на рукопись.)* Так где ты остановился?

Генри. Сцена в поезде:

«– Странный вы. Билли. Сколько вам лет?
– Двадцать. Но в душе я – старик».

Почитать вслух?

Анни. Если хочешь...

Генри. Диалог так лучше чувствуется.

Анни. Ну давай.

Генри. Тогда я вернусь к началу сцены. Хорошо?

Анни кивает. Генри изображает стук колес – серьезно или в насмешку. Анни слушает настороженно. (Читает.)

«– Простите, это место не занято?
– Нет.
– Не возражаете?
– У нас свободная страна.
– Благодарю вас.

Садится напротив Мэри. Она продолжает

читать.

– Далеко едете?

– В Лондон.

– И вы, значит, считаете, что мы живем в свободной стране?

– А вы не согласны?

– В корне! Мы свободны делать только то, что нам диктуют. Кстати, меня зовут Билл. А вас?

– Мэри.

– Очень приятно с вами познакомиться, Мэри,

– Мне тоже, Билл.

– Вы не знаете, когда мы прибываем в Лондон?

– Если не опоздаем – в половине второго.

– Мэри, вы мне напомнили Муссолини».

Да-да, вы очень похожи, такие же глаза...

Анни. Не придуривайся. Или не читай.

Генри. Извини.

«– Если не опоздаем – в половине второго.

– Мэри, вы мне напомнили Муссолини. Знаете, как про него говорили: «Пускай он фашист, зато поезда не опаздывают». Непонятно, почему у нас, в Британии, поезда из графика выбиваются...

– Чего ж тут непонятного?

– Ну как же? Фашисты у власти, а на железной дороге неразбериха.

– Британия – не фашистская страна.

– Вы уверены, Мэри? Возьмите армию...».

Ты ведь не будешь играть в этой пьесе?

Анни. Отчего же?

Генри. Оттого что пьеса плохая.

Анни. С литературной точки зрения?

Генри. С любой. Твой Броуди писать не умеет.

Анни. Ты сноб.

Генри. Ладно. Я – сноб, а он – не писатель.

Анни. Диалог сыроват, я знаю, зато человеку есть что сказать.

Генри. Есть. Но он фанатик, и каждое его слово рабски подчинено идее, причем примитивнейшей. Впрочем, беда даже не в этом, а в том, что он не умеет писать. Поджигать умеет, а писать – нет.

Анни. Давай сюда пьесу. Зря я тебя попросила.

Генри. Согласись, пьеса – дрянь. И если бы ее написал не Броуди...

Анни. Но ее написал Броуди. И в этом все дело. Когда мы с ним познакомились, он двух слов связать не мог.

Генри. И сейчас не может.

Анни. Свинья!

Генри. Ладно. Я – свинья, а он...

Анни. Я тебе отвечу, раз нарываешься. Ты сам – фанатик. Вбил себе в голову, что литература должна быть такой, а не эдакой!.. Судишь о писателях, будто они бегуны. Стартовали все с одного места и рвутся к общему финишу. Шекспир далеко впереди, остальные стараются, догоняют. И пишете для таких же, как вы, фа-

натиков. Читатели ваши, если бы могли, писали бы так же. Провались вы все вместе с вашей классикой!

Генри. Вот это правильно.

Анни. Броуди в вашей гонке не участвует. Он одного хочет – быть услышанным.

Генри. И это правильно.

Анни. И делает это по-своему, сам всего добивается.

Генри. Да-да, книжки читает, чувствуется...

Анни. С классиками его сравнивать, конечно, не нужно...но...

Генри. Конечно, не нужно.

Анни. Он – узник, и пытается докричаться до нас сквозь толщу тюремных стен...

Генри. Совершенно справедливо. Полностью согласен.

Анни. Замолчи! «Согласен»... Уж лучше возражай, громи...

Генри. А почему, собственно, он взялся писать именно в этом жанре? Ты предложила?

Анни. Ну, не совсем...

Генри. Зачем тебе это понадобилось?

Анни. Комитет так решил. Вернее, то, что от него осталось. Понимаешь, Броуди уже надоел публике. За два-три года все приедается. Чтобы расшевелить людей, нужен крепкий...

Генри. Хлопок по затылку?

Анни. Нет, крепкий...

Генри. Пинок в задницу?

Анни (*вспыхнув*). Прекрати за меня договаривать!

Генри. Прости, больше не буду.

Анни. Все, потеряла нить.

Генри. Чтобы расшевелить людей, нужен крепкий..

Анни. Короче, от писателя не отмахнешься. О телеспектаклях говорят, они становятся событием. Может, после пьесы дело Бродди пересмотрят? Как ты думаешь? Что ты вообще об этом думаешь?

Генри. Что все это очень разумно.

Анни. Нет, скажи честно.

Генри. Ах, честно... Я думаю, скверная пьеса – не повод для оправдания. И уж тем паче – не доказательство судейской ошибки. Ты утверждаешь, что Бродди якобы наскучил публике. Так имей в виду, это еще цветочки. Вот пьеска заставит народ поскучать на славу! Впрочем, досмотреть до конца вряд ли кому удастся: пьеса не забавней Марксова «Капитала», да и короче лишь на самую малость.

Анни. Ты самодовольный ублюдок!

Генри. Не сквернословь...

Анни. Роджер все равно ее на телевидении поставит!

Генри. Кто? Ах, Роджер... Ему-то это зачем?

Анни. Он член нашего комитета.

Генри смотрит в потолок.

А пьесу нужно лишь слегка доработать...

Генри. Все вы свихнулись на этом Броуди.

Анни. А ты ревнуешь?

Генри. Тебя к Броуди?

Анни. Не меня, а писательское призвание. Ведь это нечто священное, принадлежащее одному тебе. Ты никого к писательству не подпускаешь. По-твоему, одним – дано, другим – не дано. Писать вправе лишь ты и тебе подобные. Броуди тем тебя и раздражает, что не знает своего места. Ты – словно метрдотель в ресторане, не впускаешь Броуди, потому что он, видите ли, без галстука. Ну, плохо у него слова сцепляются. Неужели низать слова на нитку – самое главное?

Генри. Писателю вроде бы не грех излагать связно...

Анни. Да не писатель он, а заключенный. Писатель – ты. Ты и пишешь, потому что писатель. Выбираешь «тему», накручиваешь на нее, наворачиваешь – лишь бы писалось складнее, глаже. А зачем? Кто сказал, что литература должна быть только такой?

Генри. Никто. Просто только такая на человека и действует.

Анни. Еще бы! Сначала ты всем объясняешь, что такое хорошая литература, а потом, естественно, оказываешься лучшим писателем. И вдруг появляется некто – скажем, Броуди. Он в ваших играх не участвует, но у него и вправду есть живая, настоящая тема. Тебе он, разумеется, скучен, но ведь и ты ему – тоже! Он тебе – потому что писать не умеет, ты ему – потому что ничего

другого не умеешь.

Генри. Анни, ты меня пугаешь. Жутко, когда глупость излагается внешне разумно. Я знаю, как обращаться с идиотом, как с умным человеком. Но как с тобой – не знаю. Где моя крикетная бита?

Анни. Крикетная бита?

Генри. Ага. Сейчас опробуем новый подход. *(Направляется в коридор.)*

Анни. Шутишь?

Генри. Серьезно. *(Выходит.)*

Она смотрит недоверчиво. Он возвращается со старой крикетной битой.

Анни. Не посмеешь...

Генри. Еще как посмею, дура ты несчастная...

Анни. Попробуй только тронь, идиот!

Генри. Заткнись и слушай. На первый взгляд, это – обыкновенная палка. Однако сделана она из особых сортов древесины. И куски склеены хитроумным способом – чтобы бита пружинила. Так полы в танцевальных залах делают. И вот ты бьешь по шару. Попал точно – шар свистит пулей, далеко-далеко, а ведь ударяешь не сильно. И слышен легкий «чпок», словно пробка из бутылки вылетела. *(Озвучивает.)* Мы стараемся писать так, как мастерят крикетные биты: чтобы слова пружинили и мысль не увязала. Легкий удар – и летит вперед! *(Снова «чпокает» и берет в руки пьесу.)* А это – просто дубина, ее приспособили под би-

ту. Формой слегка напоминает, но ударь ею по шару – он и десяти шагов не пролетит. А ты, заодно, и руки отобьешь! Выронишь дубину, засунешь руки под мышки, станешь приплясывать и вопить от боли: «Ух-ух-уй-уй-уй!» *(Указывает на крикетную битку.)* Эта штука лучше не потому, что так кто-то сказал, и не потому, что профессионалы сговорились не пускать на поле новичков с дубинками. Она сама по себе – лучше. А не веришь – ударь-ка вот этим и посмотри, где окажется шар. *(Протягивает пьесу.)* «– Какой вы странный. Билли, сколько вам лет? – Двадцать, но в душе я – старик». Ух-ух-уй-уй-уй!!! *(Бросает рукопись и, засунув ладони под мышки, скачет вокруг. Анни безучастно смотрит. Наконец он останавливается.)*

Анни. Я тебя ненавижу.

Генри. А я тебя люблю. Я – весь твой. Ты у меня одна-единственная, никому тебя в обиду не дам, от всех напастей уберегу...

Анни. Генри, ну неужели ты ничего не можешь сделать?

Генри. А что ты предлагаешь?

Анни. Отсеки лишнее, придай форму...

Генри. «Отсеки лишнее, придай форму»... Чему? Генри-фокусник... Пойми, он не умеет писать. Мне придется заново все переписывать.

Анни. Так перепиши.

Генри. Не могу.

Анни. Почему?

Генри. Потому что шары у него не лучше биты. Война – это прибыли богачам, политики – марионетки, парламент – фарс, законность – обман, собственность – воровство... И так страница за страницей. Сплошная банальность. А вещает твой Броуди, будто Кортес – явился из-за океана обращать индейцев. Не героев подобрал, а сплошных уродцев, бродячий цирк: трудолюбивый педант, ущербный философ, простак, который завтра спасет человечество...

Анни. Будь ты на его месте, может, смотрел бы на вещи так же.

Генри. Но вещи-то бывают конкретные и абстрактные. Вот, например, кофейная чашка. Я ее поворачиваю и – для меня – пропадает ручка, опрокидываю – исчезает полость. Но чашка все равно существует реально – полая, с ручкой. Другое дело – политика, законы, патриотизм. Им с чашкой не тягаться. Они созданы человеческой мыслью, только ею и живы, ничего реального в них нет. Попробуй их повертеть, опрокинув, точно реальную чашку, попробуй хоть что-то в них изменить – сначала разочаруешься, потом обозлишься, а там и до насилия недалеко. Если знать об этом заранее, станешь действовать осторожно, мягко. Тогда, может, и вправду что-то стронется в людских умах. Да и политика с законами станет человечней. А если не понять этого вовремя, не отказаться от предрассудков

— ошибки неизбежны.

Анни. Все, что ты сказал, — только твоя мысль.

Генри. Верно.

Анни. Ты не учитываешь, кто написал эту пьесу, за-
чем, где...

Генри. Уволь — не учитываю. Может, с Бродди дей-
ствительно обошлись несправедливо, не знаю. Да это
и не важно. В литературе он — медведь. Невозможно
помочь человеку, который считает, что любой редак-
тор — непременно цензор, что демонстранту позволи-
тельно кидаться камнями; что небоскребы строить не-
льзя — это, видите ли, социальное насилие. Такие люди
любую нелицеприятную речь принимают за провока-
цию, обрывают ораторов почем зря — пользуются пра-
вом на свободу слова... Жалко слов, которыми лепит-
ся весь этот бред. Они-то ни в чем не виноваты. Они
бесстрастны, точны, обозначают конкретные вещи. Из
слов — если обращаться с ними бережно — можно, буд-
то из кирпичиков, выстроить мост через бездну непо-
нимания и хаоса. Но из битого кирпича ничего не вы-
строишь, а Бродди отбивает у слов углы. Я не считаю
писателя святым, но слова для меня — святы. Они за-
служивают уважения. Отберите нужные, расставьте в
нужном порядке — и в мире что-то изменится. А дети бу-
дут читать ваши стихи даже после вашей смерти.

*Анни подходит к пишущей машинке, вынимает из
нее лист, читает.*

Анни. «Кадр семьдесят девятый. В командирском отсеке. Задек смотрит на экран: прямо на зрителя разворачивается, зеленовато поблескивая, лазерная пушка. Крупным планом – мрачная усмешка Задека: «Вот они! Сдается мне, план сработает». Слышен громкий голос Кронка: «Держи курс, Задек...»

Генри (*обрывает*). Это не литература, а кино. Картинки. И вообще, это не считается: нужно же на Шарлоттины алименты зарабатывать. Вот выйдет за своего архитектора – тогда буду писать настоящее.

Анни выпускает лист из рук, он ложится обратно на машинку.

Анни. А пьесы для меня ты так и не написал.

Генри. Не написал. Хотя пытался. Давно мне не было так тошно, как сейчас. Впрочем, вчера было не лучше. Не сердись. Поеду с тобой в Глазго, ты будешь играть «Когда б она блудницей не была»,⁶ а я – строчить про Кронка и Задека.

Анни. Я не еду в Глазго.

Генри. А я говорю – едешь!

Анни. А я говорю – нет! Будем заниматься пьесой Броди. Я так хочу. Я! Понимаешь – я! Или это тоже не важно? Генри?

Пауза.

Значит, отказываешься? Ну да, ты у нас такой раз-

⁶ Пьеса Д.Форда

борчивый, привередливый... Что ж, слушай свою утонченную музыку, расти духовно. *(Включает стоящий на столе Генри крошечный радиоприемник. Негромко звучит поп-музыка. Анни направляется к двери.)*

Генри *(в отчаянии)*. Да зачем, зачем тебе этот Бродуди? Влюбилась, что ли?

Она оборачивается, смотрит; он понимает, что совершил ошибку.

Считай, что я ничего не говорил...

Анни. Поздно. *(Выходит.)*

Сцена шестая

Анни и Билли.

Анни сидит в движущемся поезде, у окна, увлеченно читает книгу. Появляется Билли, останавливается, смотрит на нее. Анни его не замечает. В руках у Билли большая сумка на молнии, говорит он с шотландским акцентом.

Билли. Простите, это место не занято?

Анни (едва поднимает глаза). Нет.

Билли садится рядом с ней или напротив, ставит сумку. Смотрит на Анни.

Билли. Фашисты у власти, а поезда все равно опаздывают.

Анни взглядывает на него и, вскрикнув, отшатывается.

Анни. Боже, как ты меня напугал! (Смотрит на него с радостным удивлением.) Балда.

Билли говорит нормально, без акцента.

Билли. Здравствуй.

Анни. Я не знала, что ты тоже едешь.

Билли. Еду... Как жизнь?

Анни. Не жалуюсь. Ты, значит, прочел?

Билли. Пьесу Броуди? Прочел.

Анни. И что скажешь?

Билли. Писать не умеет.

Короткая пауза.

Анни. Я знаю. Но мне показалось – роль для тебя.

Билли. Да, сделать можно. Ты-то сама будешь играть?

Анни. Надеюсь. Пьесу, конечно, надо доработать... Спасибо, что прочел.

Билли. Ничего, что я подсел? Не помешаю?

Анни. Ничуть.

Билли. Разговаривать со мной необязательно.

Анни. Да перестань, все нормально.

Билли. Как себя чувствуешь?

Анни. Мне страшно. Мне всегда страшно. Каждый раз думаю: уж теперь все поймут, какая из меня актриса.

Билли. Тогда пусть лучше в Глазго поймут, чем дома.

Анни. Еще кто-нибудь с нами едет?

Билли. Нет, сударыня, мы одни в целом поезде...

Анни. Я имею в виду, из наших, актеров.

Билли. Не знаю. Многие летят.

Анни. А я решила на поезде.

Билли. И я – потому что ты.

Анни (встречает его взгляд). Билли...

Билли. А что ты подумала, когда увидела меня?

Анни. Когда, сейчас?

Билли. Нет, в первый раз.

Анни. Подумала: «Боже, как он юн!»

Билли (*с шотландским, акцентом*). «Но в душе я – старик».

Анни. Ну ладно, ладно...

Билли. Это мне должно быть страшно. Ты-то отлично играешь.

Анни. А мне как-то не нравится.

Билли. Зато мне нравится.

Анни. Я тебя старше.

Билли. Это не важно.

Анни. Намного старше. Скорее на мать похожа, чем на сестру.

Билли. Ничего – все равно выходит кровосмешение. И потом – мне всегда нравились зрелые женщины.

Анни. Знаешь, Билли, хватит за мной волочиться...

Билли. Почему же?

Анни. Потому что бесполезно. Послушаешься?

Билли. Нет. Это очень плохо?

Пауза.

Анни. Ты знал, что я еду этим поездом?

Билли (*кивает*). Видел, как садилась. Подумал, что найду тебя, когда тронемся.

Анни. Долго же ты думал.

Билли. Пришлось дожидаться, пока контролер пройдет. У меня билет не в первый класс...

Анни. А что будешь делать, если контролер заглянет сюда?

Билли. Скажу, что ты моя маменька. А ты-то как в

первый класс попала?

Анни. Села, и все. У меня тоже билет другой.

Билли. Слушай, а как ты относишься к классовой системе?

Анни. В поездах или вообще?

Билли. Вообще. Знаешь: «По жизни – первым классом!..»

Анни. Никакой системы нет. Люди сами жмутся к себе подобным. Объединять может самое разное: религия, работа, учеба. Образуются группы, большие и маленькие, переплетаются, смешиваются... Обвинять тут некого, это явление общекультурное, классы и система ни при чем. Ничего этого на самом деле нет – только наша мысль.

Билли. Гениально, черт побери! Люди жизнь кладут в борьбе против классовой системы, а ты ее не сходя с места уничтожила.

Анни. Видишь ли...

Билли. Но принять твою правоту можно лишь сидя в купе первого класса.

Анни. Я...

Билли. Где ты это вычитала? Неужели сама придумала? По-моему, Броуди – и то лучше. Как будто чушь несет, но чувствуется, что прав. А ты как будто правильно говоришь, но ясно, что – чушь!

Анни. Отчего ж ты тогда в его пьесе играть отказываешься?

Билли. А я не отказываюсь. Я – как ты.

Анни. Значит, только из-за меня? Не стоит.

Билли. А ему что, не все равно?

Анни. И потом, ты сказал, что он не умеет писать.

Билли. Не умеет писать так, как пишет твой муж. Но ведь твой муж – знаменитость.

Анни. Иронизируешь?

Билли. Вовсе нет. «Карточный домик» – сильная пьеса.

Анни. Генри был бы счастлив это услышать.

Пауза.

Билли. На что ты злишься?

Анни. Ты просто дитя. Пора бы знать, что нельзя высмеивать мужей, когда хочешь понравиться их женам. Учти на будущее.

Билли.

«И в мыслях не дерзну тебя обидеть.

Мне робость, как петля,

сжимает сердце

И душу жжет... Как ты спала,

сестрица?»⁷

Анни.

⁷ Здесь и далее фрагменты пьесы Д. Форда «Когда б она блудницей не была» в переводе Т. Тульчинской.

«Отменно, братец».

Билли.

«Меня же гложет некая болезнь,
И чую я – сведет меня в могилу».

Анни.

«Избави Бог! Ты шутишь,
милый брат...».

Билли.

«Скажи одно: тебе я не противен?»

Анни.

«Противен? Вовсе нет...».

Билли.

«Тобою движет
Не жалость ли к несчастному
страдальцу?»

Анни.

«Брат, ты и вправду болен!»

Билли.

«Ты – причина
Моей болезни. Древние поэты
Юноны лик прекрасный воспевали.
Ты ж прелестью божественной затмишь
Сиянье дивно-царственной богини...».

Анни. Великолепно!

Билли.

«Вмиг глаза твои
Как звезды вспыхнули,
как Прометеев пламень!
Сим жаром нежным хладную скалу —
И ту пронзишь до самой сердцевины».

Анни. Ну, это хуже...

Билли.

«На ланитах нежных
Цветет румянец – розой среди лилий.
О, эти губы соблазнят святого,
И руки страсть в отшельнике
разбудят».

Анни.

«Мой мальчик, ты прекрасен!»

Билли.

«Так смотри!»

(По ходу чтения все больше теряет голову; встает, распахивает на груди рубашку.)

Анни. Перестань... *(Нервно оглядывается.)*

Билли *(во весь голос)*.

«Вот грудь моя: кинжалом разреши
И в сердце прочитай моею ту правду,
Которая клопочет в каждом слове!»

Анни. Свихнулся...

Билли.

«Нет в целом свете преданней слуги.
Любовь мою ужели ты отвергнешь?»

Анни. Ну хватит...

Билли.

«Смерти смрадное дыханье
Я ощутил измученной душой...
О Аннабелла, раб твой безутешен!»

Анни. Билли!

Сцена седьмая

Генри, Шарлотта и Дебби.

Гостиная из сцены второй, но без пластинок. Шарлотта что-то ищет в стопке газетных вырезок и программ. У двери – огромный нагруженный рюкзак. Дебби курит.

Генри. И давно ты куришь?

Дебби. Целую вечность, еще со школы. Мы с Терри дымили в котельной.

Генри. В котельной.

Дебби. В котельной? Ты уверен? От слова «котёл»...

Генри. На первый взгляд права ты, но на самом деле – я. Я потому и платил за школу – чтоб там выправили твою врожденную неграмотность и выучили тебя латыни и родному языку.

Шарлотта. А я думала – чтоб она девственницей подольше побыла.

Генри. Грамотной девственницей. *Virgo syntacta.*

Дебби. Плакали твои денежки. Генри! От Терри девственницей не уйдешь.

Генри. Хватит острить. Больно взрослая... Скажи лучше: учителя знали про этого мерзавца?

Дебби. А он сам учитель. Латынь преподает.

Генри. Ах, вот как...

Шарлотта. Да она все равно бы с девственностью распрощалась. Спасибо верховой езде.

Генри. Это не считается.

Шарлотта. Дурачок, юные всадницы девственность теряют не на лошади!..

Генри. Точно! Жокей!

Шарлотта. Потому он и кривоногий: все время верховом – то лошадь под ним, то всадница...

Генри. Говорил же тебе – объясни дочери, как опасны случайные связи.

Дебби. В галифе случайно ничего не бывает, слишком долго снимать.

Генри. Повторяю – хватит на мне язычок оттачивать.

Шарлотта. Нет, не нашла... Сто лет уж прошло. Но скажу не лукавя – я все же была тогда чуть постарше Дебби.

Генри. И какая же разница, кто изображал Джиованни рядом с твоей блудницей Аннабеллой?

Шарлотта. Да как-то нехорошо, что я забыла имя партнера.

Дебби. Ничего, он, наверняка, забыл твое.

Шарлотта. Но ведь не он тогда невинность потерял, а я.

Дебби. Неужели прямо на сцене?

Шарлотта. Не валяй дурака. Ответственные гастроли, устроены Британским театральным советом... Все произошло в Загребе, в гостинице.

Дебби. В номерах-с?

Шарлотта. Пусть это будет на совести Театрального совета...

Генри. Девочки, мы хотели обсудить семейные проблемы...

Шарлотта. Какие, например?

Генри. Например, наша дочь собирается пойти по рукам.

Дебби. По каким еще рукам? Я собираюсь пойти в поход.

Шарлотта. Правда, Генри, не сгущай краски.

Генри. У меня есть право сгущать краски.

Шарлотта. Понимаю.

Генри. Я ей отец.

Шарлотта. Прекрасно тебя понимаю.

Генри. Ей еще рано ходить в походы вдвоем с мужчиной.

Шарлотта. А по-моему, ей еще рано ходить в походы одной... Ничего страшного, ее кавалер очень мил. *(Бросает поиски и несет всю пачку бумаг к двери. Обращаясь к Дебби.)* Если он придет, пока я в ванной, сразу не уходите, дождитесь меня. *(Выходит.)*

Генри. И на чем он играет?

Дебби смотрит непонимающе.

Мама сказала, что он музыкант.

Дебби. А, да... На шарманке.

Генри. Бродячий шарманщик?

Пауза.

Хорош музыкант...

Дебби. На ярмарках играет.

Генри. Среди качелей-каруселей?

Дебби. Возле «Тоннеля любви». Как Анни поживает?

Генри. Она в Глазго.

Дебби. Не волнуйся, Генри, я буду счастлива.

Генри. Счастлива? А кто, по-твоему, счастливый человек?

Дебби. Если вечер не дождливый, значит, я вполне счастливый!

Генри. О господи, что за безмозглое поколение! Вся ваша философия отпечатана у вас на майках. Счастье не выпадает человеку вдруг, вдруг у нас только погода меняется. А счастье – это не дождь, не солнце...

Дебби. А что же это такое?

Генри. Это... равновесие. Его и надо искать.

Дебби. А ты счастлив, Генри?

Генри. Не зови меня так. Лучше – папой. Папа и мама...

Дебби. Старые добрые времена вспомнил? Как поживают «Эверлиз», «Серчерз»? Как старик Элвис?

Генри. Он умер.

Дебби. Знаю. Я не про то спрашиваю. Его все так же обожают?

Генри. Да я его никогда особенно не любил. «Все в ударе» – последняя его стоящая песня. Впрочем, тако-

ва судьба всех творцов.

Дебби. Умирать?

Генри. С возрастом терять любовь публики. Таков расхожий взгляд на вещи.

Дебби. Значит, и у тебя так? Тогда понятно...

Генри. Разве последняя пьеса тебе не понравилась?

Дебби. «Карточный домик»? А она ни о чем. Вопрос один: переспала героиня или нет? Подумаешь, велика разница! Неверность в семейной жизни архитекторов. В очередной раз...

Генри. Эта пьеса – о самопознании через страдание.

Дебби. А по-моему, о том, кто с кем спит. Как будто переспать – значит изменить.

Генри. Так считается.

Дебби. А еще считается, что не спать ни с кем, кроме мужа, – значит хранить ему верность. Было – или не было. Так и шарахаются: от черного – к белому. Широчайший цветовой диапазон, воссозданный драматургом Генри Ибсеном. Дала – не дала... Почему этому придается такое значение?

Генри. Откуда мне знать?

Дебби. Да потому что из любви делают тайну. В двенадцать лет я была словно одержимая. Повсюду мерещился секс. Даже в латыни. Словарь открывался на слове «meretrix», блудница. Слово источало таинственный аромат, сильный, точно мускус – обжигающее дыхание запретного мира. Не то, что ваше скуч-

ное «amo, amas, amat». Этим жаром пропиталось все: история, французский, искусство, Библия, поэзия, переписка с приятелями, игры, музыка... Всюду царствовал секс – только не в биологии; в ней-то он был, но другой – не тот, настоящий, в котором таинство, порок и восторг, и все, что грезилось, и чего в нем на самом деле не было... Я отведала его в котельной, и он оказался тем, биологическим. Любовь – это совокупление тел, а вовсе не душ.

Генри. Не увлекайся этим.

Дебби. Чем?

Генри. Складным, убедительным бредом. Софистикой! Фраза выходит ловкая, круглая, точно клубок, но концов не найти, смысла не добиться. Красиво, но сплошная ложь, липа. Со словами, храни их Бог, нужно быть осторожным. Берем, например, утверждение: «Любовь – это игра страстей». Пожонглируй словами – получишь еще десяток таких перлов. Они же множатся простым делением, текст выстраивается из минимума повторяющихся единиц – авторы шлягеров мрут от зависти. Любовь – это игра страстей, страсть – это любовная игра, игра – это любовная страсть, любовь – игрушка, игра – страстишка, не играй в любовь, страсть люблю поиграть...

Дебби. Папа, остановись...

Генри. Да. Знаешь, когда я впервые с особой остротой ощутил, что весь мир – пустяк по сравнению с не-

кой дамой?...

Дебби. Папа, ты не за пищущей машинкой. Попроще давай. Итак, когда ты впервые влюбился...

Генри... тогда я понял библейское слово «познание» в применении к плотской любви. «Они познали друг друга». Не плоть познали, а – через плоть – открылись друг другу до самого дна. Души свои доверили. А все прочее – это уже наши обличья, маски, их видит всякий: мы изливаем свою радость, печаль, гнев, раздражение, счастье на всех подряд. На друзей и родственников – с мимолетным уколом совести, на чужих вообще ничтоже сумняшеся. Любовники и любовницы тоже являют нам лишь один из многих своих ликов. Только в супружестве люди открыты друг другу до дна. Что же на дне? Что осталось в тебе, когда раздал себя, точно колоду, – до последней карты? Осталось то самое знание, глубокое, полное, истинное, знание духа через плоть. Ты познаешь любимую, любимая познает тебя. И выше, святее этого нет ничего на свете. Если ты так знаешь человека, ты – неслыханный богач, сыпешь мелочь пригоршнями: пусть твоя любимая болтает, смеется, с кем вздумается, подставляет ушко под шепоток, пляшет босиком на чьих-то столах, пусть как будто открыта всем – глупцы, это ничего не значит: ведь у тебя есть главная карта, и, пока она на руках, ты спокоен, ровен, весел, но ушла карта – и жизнь обращается в муку. На все смотришь с ненавистью, все

причиняет невыносимую боль – карандаш, мандарин, рекламка... Любой предмет будто соединен проводом с мозгом, и воображение вспыхивает мгновенно, как нить накаливания в лампе. Больно...

Пауза.

Дебби. Значит, у Анни кто-то есть?

Генри. Насколько мне известно, нет, но за заботу – спасибо.

Дебби. Извини...

Генри. Да не волнуйся, пустяки.

Дебби. Это ты не волнуйся. Монополия хороша в колониальной политике, а не в любви.

Генри. О Господи! Снова эрзац-философия. Как если бы Микеланджело лепил из полистирола...

Дебби. Знаешь, Генри, в чем твоя беда?

Генри. В чем?

Дебби. Учительница латыни не водила тебя в котельную.

Генри. Зато я экзамен сдал.

Дебби. Только по латыни.

Звонок в дверь.

Я тебя хочу попросить...

Генри. О чем?

Дебби. Не выходи туда, ладно?

Генри. Его что, позвать стыдно?

Дебби. Да нет, просто он тебя боится.

Генри. Боже!

Входит Шарлотта в купальном халате; голова, возможно, повязана полотенцем. В руках – пачка открыток.

Шарлотта. Десять открыток, с марками и адресом. Ты мне раз в неделю – открытку, я тебе – десять долларов. Не отправишь открытку – не получишь денег. *(Протягивает Дебби открытки.)*

Дебби. Шарлот, спасибо... *(Целует ее.)*

Пока, Генри.

Генри. О, дочь моя! Прими благословенье и несколько последних наставлений...

Дебби. Все, папа, некогда. До свидания. *(Целует его.)*

Дебби берет рюкзак и выходит, Шарлотта за ней. Генри ждет возвращения Шарлотты.

Шарлотта. Ну, вот и сбыли кобылку с рук...

Генри. Музыкант... Ей еще и семнадцати нет.

Шарлотта. Тогда в Загребе мне тоже было семнадцать.

Пауза.

Как Анни поживает? Ты едешь в Глазго на премьеру?

Генри. Им еще полмесяца репетировать.

Шарлотта. А кто играет Джиованни?

Генри. Понятия не имею.

Шарлотта. Тебя это не интересует?

Генри. А почему это должно меня интересовать?

Шарлотта. Нет, Генри, ты просто прелесть. Вот если

б все так рассуждали: «А почему это должно меня интересовать?» Меня всегда возмущала эта твоя невозмутимость. Даже когда я согласилась сниматься в той итальянской порнушке, ты и бровью не повел – как же, итальянское кино считалось высоким искусством... Вот и видно, какая я уже старуха. Для Дебби лучшие фильмы – австралийские. Представляешь? Они научились настоящие фильмы снимать, не только кенгуру.

Генри. Ты, как всегда, отклонилась от темы.

Шарлотта. Да? Так вот... Я тогда решила: раз моя неверность тебя не волнует, значит, ты сам изменяешь мне направо и налево. А когда я поняла, что ты – последний романтик в этом мире, было уже поздно. Мое поведение уже действительно не имело никакого значения. И не имеет.

Генри. Ну, раз не имеет... Скажи, сколько э-э... Примерно, сколько...

Шарлотта. Девять.

Пауза.

Генри. Ничего себе.

Шарлотта. У тебя была одна, но разве можно сравнить последствия...

Генри. Неужели девять?

Шарлотта. Уязвлен?

Генри. Удивлен. Я думал, в браке есть некий уговор, идея верности.

Шарлотта. Никакой идеинет, есть сделка. И заключать ее надо каждый раз заново. Ты думаешь, один раз приняли взаимные обязательства – и точка? Под ногой – бетонная плита, «которая все выдержит, любую тяжесть? Обязана выдержать. И ты никому ничего больше не доказываешь, не завоевываешь вновь и вновь. Можно ею пренебречь и высмеять, а когда и вовсе уйти в себя. Под ногой навеки несокрушимый бетон... Я, конечно, тоже не кладезь мудрости, но уж ты – полный идиот.

Генри. Значит, найдешь кого-нибудь поумнее. Желаю удачи.

Шарлотта. И тебе того же... Выпить хочешь?

Генри. Нет, спасибо. А как твой приятель поживает – архитектор, кажется?

Шарлотта. Получил от ворот поворот. Расстались, в общем... Я его обозвала архитектором моего несчастья.

Генри. Чем же он был плох?

Шарлотта. Жуткий собственник. Возвращаюсь домой с гастролей, всего-то пару дней меня не было, а он говорит: «Зачем колпачок брала?» Представляешь, в ванной, в шкафчике моем рылся. Там не нашел – перерыл всю квартиру, все мои вещи. Я и не стерпела.

Генри. Что ж ты сказала?

Шарлотта. Что колпачка я не брала. Как был во мне, так со мной и уехал. А он говорит: «И паста твоя, про-

тивозалетная, – тоже?» Тут, честно сказать, мне крыть было нечем.

Генри. Надо было хлопнуть себя по лбу: «Паста! А я-то удивляюсь, почему из зубной щетки волос лезет!»

Шарлотта (*смеется*). Гениально! За это надо выпить.

Генри (*изображая, что держит бокал, поднимает руку*). Ваше здоровье! (*Встает.*)

Шарлотта. Тебе надо идти?

Генри. Да, пора.

Шарлотта (*кивает на спальню*). Может, зайдем на дорожку?

Генри. Знаешь – нет.

Шарлотта. Ну хоть выпьем?

Генри (*улыбается*). Нет. Не обижайся.

Шарлотта. Вспомни, что я говорила.

Генри. Насчет чего?

Пауза.

А-а... Идеи верности нет – только сделка... Фокус в том, что я с этим не согласен. Предпочитаю быть идиотом. Мне нравится, например, такой уговор: ты меня любишь – и я тобой пользуюсь. Пользуйся и ты мной, – потому что я тебя люблю. Чтоб ты ни сделала – перепей, переспи, уйди в себя, выйди из себя – все прощено заранее, я – весь твой, я навеки верен... Любить человека – значит любить его и в худшие минуты. Если это романтика, то пусть все будет романтично: любовь,

работа, музыка, литература, девственность и ее потеря...

Шарлотта. Ты, Генри, сам еще девственник.

Звучит тихая музыка, не умолкающая до конца сцены восьмой.

Сцена восьмая⁸

Анни и Билли.

Они в театральных костюмах, обнимаются, целуются.

Без декораций.

Билли.

«О Аннабелла, не сестрою ныне —
Возлюбленной с восторгом назову...
Стыдливости румянец не пристал
Блистательному облику богини,
В чьей гордой власти —
Трепетное сердце
И жизнь сама покорнейшего брата».

Анни.

«Свою я жизнь ему в ответ вверяю.
Алеют щеки от потери сладкой,
Но в сердце счастье ярче расцветает!»

Билли.

⁸ Чтобы выиграть время для перемены декораций, сцена восьмая должна быть повторена дважды, как застольная репетиция, а потом – на сцене (*примечание автора*).

«Не понимаю, право, почему
Невинность, эту милую игрушку,
Девицы так страшатся потерять.
Вот нет ее – ты оттого не хуже».

Анни.

«Тебе теперь свобода – говори...».

Билли.

«Не станет музыкант играть в пустыне».

Анни.

«Развратник, краснобай!
Но – говори!..»

Билли.

«А ты меня за это поцелуешь...».

(Нежно целует ее.)

Анни *(тихо)*. Билли... *(Целует его в ответ по-настоящему.)*

Сцена девятая

Генри и Анни.

Гостиная. Генри сидит в одиночестве, ничего не делает. Похоже на начало первой и третьей сцен.

Слышно, как снаружи открывают входную дверь. Из прихожей появляется Анни. На ней пальто, в руках чемодан и небольшая дорожная сумка.

Анни. Привет, я приехала. (Ставит чемодан и сумку на пол, подходит поцеловать Генри.)

Генри. Привет.

Анни снимает пальто.

Ну и как?

Анни. Финал удался – одной женщине в зале даже плохо стало. Билли вышел с моим сердцем, наколотым на клинок, и – ну, в общем, все ахнули! (Относит пальто в прихожую, возвращается, подходит к дорожной сумке.)

Генри. Я думал, ты сразу выехала.

Анни достает из сумки маленький яркий пакет – очевидно, подарок.

Анни. А ты чем занимался? Как сценарий? (Отдает Генри подарок, мимолетно целует.)

Генри. Думал, ты ночным поездом едешь.

Анни. А в чем дело?

Генри. Беспokoиться начал – не strяслось ли чего...

Анни. Ничего со мной не strяслось. Ты обедал?

Генри. Нет. Так ты, значит, только утренним поездом выехала?

Анни. Ага. Пойду обед на скорую руку сделаю. *(Идет на кухню, но тут же возвращается.)* Надо же такой кавардак устроить! Разве миссис Чемберлен не заходила?

Генри. Я звонил в гостиницу.

Анни. Когда!

Генри. Вчера вечером. Сказали – ты уехала.

Анни. Правда? *(Несет чемодан в спальню.)*

Генри сидит неподвижно. Анни, пятясь, без чемодана выходит в гостиную.

Боже мой. Генри! Нас что – обокрали? Что ты делал?

Генри. Где ты была?

Анни. В ночном поезде. Сама не знаю, зачем сказала про утренний. Как-то вырвалось. В гостинице меня правда не было, я сразу из театра – на вокзал.

Генри. Поезд опоздал?

Анни. Хочешь билет проверить?

Генри. Так, может, ты в зоопарк ходила?

Анни встречает его взгляд спокойно и безразлично.

С кем?

Анни. Генри, не надо. Ты не такой.

Генри. Нет, я – такой.

Анни. Но я не хочу. Это унижительно.

Генри. Я тебя унижать не собираюсь.

Анни. Ты себя унижаешь. Себя. *(Пауза.)* Я ехала с одним человеком из труппы. Позавтракали на Хьюстонском вокзале. Он поезда дожидался. Я осталась поговорить. А потом прихожу домой, и с меня требуют отчета, – где я да что я. Два с половиной года женаты – и вдруг такой допрос.

Генри. Ты приехала ночным поездом и все утро про- сидела на Хьюстонском вокзале?

Анни. Да.

Генри. С этим актером?

Анни. Да. Можно идти? *(Отворачивается.)*

Генри. Как поспали?

Анни поворачивается и смотрит на него пустым, невидящим взглядом.

Ты спала с ним?

Анни. Я – что? Какая разница? Ты тут же начнешь мучиться – вру я или не вру.

Генри. Ты бы соврала?

Анни. Возможно.

Генри. Ты спала?

Анни. Нет. Ну, поверил? Ладно, пойду убирать.

Генри. Знаешь, что я искал?

Анни. Нет. А нашел?

Генри. Нет.

Она поворачивается, чтобы идти в спальню.

Это Билли?

Анни. Почему Билли?

Генри. Это он, я знаю. Билли, Билли, Билли, то и дело вылетает – вроде б так, к слову, но сдержаться не можешь. Как компьютерный вирус. Бип-бип-Бил-ли-Билли. Ну, поговори со мной. А за погром прости.

Анни. Надо было тебе все на место вернуть, я бы и не заметила.

Генри. Ничего нельзя вернуть. Не вернешь. Давай поговорим. Я – такой же, как ты, и знаю, как это бывает. В любви ты сначала – точно гусеница, приникаешь к своему единственному, тебе предназначенному листку, жадно грызешь. А потом это проходит. Ты удивлен: тебе, вроде, больше никто не нужен, кроме той, единственной женщины, как вдруг встречается другая – не самая красивая и к тому же чья-то жена – но ясно, что, сложишь жизнь по-иному, вы были бы вместе. Ведь так с каждым бывает, верно, Анни? Сердце застучит быстрее, войдешь в комнату, и что-то в ней откликнется, чувствуется какое-то движение, словно занавеска колыхнулась. Ничего между вами нет – даже в мыслях – но растворена в воздухе возможность, и нельзя не показать, что ты это уловил. Делаешь шаг навстречу, вполне невиновный, однако таящий обещания. При встрече обнимаетесь, целуетесь – обычное дело, теперь иначе и не здороваются. А там и остается-то всего один шаг... Так что? Билли?

Анни. Да.

Генри. Я люблю тебя.

Анни. А я – тебя. Иначе меня бы тут не было.

Генри. Ну так скажи мне...

Анни. Я люблю тебя.

Генри. Не то.

Анни. Нет, то. Самое важное.

Генри. Другое тоже важно.

Анни. Нет.

Генри. Для меня важно. Было – значит, было. Чем мучиться, лучше знать правду. Иначе я не смогу работать.

Анни. Шантажист.

Генри. Ты бы меня тоже спросила.

Анни. Никогда не спрашивала.

Генри. А ничего и не было.

Анни. Еще как было...

Генри. В твоём воображении.

Анни. Какая разница? Весь первый год я боялась любой женщины младше пятидесяти, даже тех, с кем ты еще не знаком.

Генри. Но ты же одумалась.

Анни. Не одумалась, а перестала об этом думать. Решила, что раз ты со мной – значит, тебе самому так хочется, никто ведь не заставляет. А остальное мне безразлично.

Генри. А мне – нет.

Анни (*тверже*). Я уже сказала. Мы с Билли все утро просидели в привокзальном кафе, поэтому домой я пришла не сразу. А про поезд наврала, чтоб не говорить про разговор с Билли – ведь это тоже вроде неверности... Но тебе важно только одно: спала я с ним или нет.

Генри. Ну и?...

Анни. Нет.

Генри. А хотела?

Анни. Генри, Бога ради!

Генри. Спроси и ты меня.

Анни. Я твои тайны уважаю.

Генри. А у меня их нет. Отрекаюсь. Ты – хотела?

Анни. Но хоть чувство собственного достоинства у тебя есть?

Генри. Понятно. На моем месте ты бы повела себя иначе. А я не верю в достойное поведение, в милые беседы: «Аманда, как поживает твой любовник?» – «Сегодня был в ударе, Чарльз. А твоя любовница как?...» Нет, я верю в душевную смуту, слезы, боль, самозабвение, потерю собственного достоинства – в наготу верю. Не думать, жить без забот – все равно что не любить. Ну скажи – было? Ведь было?

Анни. Не думать, жить беззаботно – при чем тут это? Заведи я любовника, думать было бы уже не о чем. Не было б у меня ни вины, ни угрызений совести.

Генри. Не было бы?... А о чем вы говорили?

Анни. В основном, о Броуди.

Генри. Ну конечно. Я так и думал.

Анни. Билли хочет играть в его пьесе.

Генри. И когда же вы с Билли снова увидите?

Анни. Он уехал, у него договор на другой спектакль. Но я обещала с ним встретиться. Я хочу его видеть.

Генри. Отлично, когда? Я тоже поеду, ты не против?

Анни. Отчего же, поехали. Нужно же за мной присмотреть...

Генри. Так когда?

Анни. Наверно, на выходные.

Генри. А куда?

Анни. В Глазго.

Генри. Билли приехал с тобой из Глазго, а потом тут же отправился назад?

Анни. Да.

Генри. И я должен хранить собственное достоинство? Знаешь – не выходит. У меня появилась навязчивая идея. Я и думать-то ни о чем другом не смогу.

Анни. Так нельзя. Найди в себе какой-то уголок, где я ничего не значу. Зацепись. Иначе тебя не за что любить. А что ты сделал с вещами, с одеждой... И главное – с самим собой. Ужас!.. Это просто не ты. А люблю я – тебя.

Генри. Знаешь, в эти выходные я занят. Надеюсь, все будет хорошо.

Анни. Спасибо. *(Идет в спальню.)*

Генри. Что Билли говорит о пьесе?

Анни. Что Броуди писать не умеет. *(Уходит.)*

Генри вынимает из пакета подарок – шотландский клетчатый шарф.

Сцена десятая

Билли и Анни.

Анни читает в поезде.

Билли подходит к соседнему свободному месту. Говорит с шотландским акцентом. В руках у него сак-вояж. Диалог идет с усилением, через микрофон.

Билли. Простите, это место не занято?

Анни. Нет.

Билли. Не возражаете?

Анни. У нас свободная страна.

Билли садится.

Билли. Вы так считаете?

Анни. Что?

Билли. Что страна свободная.

Анни не отвечает.

Далеко едете?

Анни. В Лондон.

Билли. Значит, до конца.

Анни привстает, собираясь пересесть.

Читайте, читайте, мешать не буду.

Анни. Спасибо. *(Пересаживается.)*

Билли. Меня зовут Билл.

Анни молчит.

А можно задать вам один вопрос?

Анни. Мэри.

Билли. Мэри, можно задать вам один вопрос?

Анни. Один.

Билли. Когда мы прибываем в Лондон?

Анни. Если не опоздаем – в половине второго.

Билли. Мэри, вы мне напомнили Муссолини. Знаете, как про него говорили: «Пускай он фашист, но...»

Анни. Нет... не то... это старый текст.

Билли (чуть слышно выругавшись). Прости, Роджер...

Голос Роджера. Ладно, вырежем.

Анни. Откуда, Роджер? Сначала?

Голос Роджера. Погодите минутку.

Свет меняется. Видно, что выгородка стоит на телестудии. Анни встает, отходит. Билли следом. Они что-то говорят друг другу – коротко. Затем Анни садится на место, а он остается – растерянный, отторженный. Видно, что обоим тяжело. Мгновение спустя свет гаснет.

Генри один, слушает «Арию на струне соль» Баха.

Сцена одиннадцатая

Генри и Анни.

Из спальни появляется Анни, она одета, собирается уходить, торопится.

Генри (*увидев ее, настойчиво*). Послушай...

Анни. Некогда, опаздываю.

Генри. Это важно, прошу тебя.

Анни. Ну что такое?

Генри. Послушай.

Она понимает, что он имеет в виду музыку. Прислушивается.

Чье это?

Анни (*довольно*). Тебе нравится?

Генри. Очень.

Анни. Это Бах. Поздравляю.

Генри. Мошенник!

Анни. Что-о?!

Генри. Он украл эту мелодию.

Анни. Кто, Бах?

Генри. Да, у «Прокьюл Хэрем», просто нотка в нотку сдул. Только хуже! И украсть толком не мог... погоди, сейчас оригинал поставлю. (*Направляется к проигрывателю.*)

Анни довольна им, но ей надо идти. Подходит к

Генри.

Анни. Счастливо поработать.

Бегло целует его, но Генри длит поцелуй. Говорит он, однако, по-прежнему несколько отрешенно.

Генри. Тебе тоже.

Анни. Сегодня последний день съемок. Может, заедешь?

Генри пожимает плечами.

Ладно, как хочешь.

Генри. Кто я такой... Соавтор-призрак...

Звонит телефон.

Анни. Если с телевидения – скажи, что я уже ушла.

Генри (*в трубку*). Она уже ушла... Э-э... (*Обращаясь к Анни.*) Твой приятель.

Анни в нерешительности.

Ладно, все, тебя нет.

Анни берет трубку.

Анни (*в трубку*). Билли? Да. Что? Да, конечно. Опоздаю немного. Ну пока... Хорошо. (*Вешает трубку.*) Я люблю тебя. Понимаешь?

Генри. Не вполне.

Анни. Считаешь, что я веду себя некрасиво?

Генри. Нет. Наверно, я сам виноват – был слишком занят собой, оставил дверь открытой...

Анни. Вот меня и вынесло за порог как пушинку. Но я вернусь.

Генри. Ради меня? Не надо. Насильно я тебя воз-

вращать не стану. Я так немогу и не хочу. Как-то глупо: стоит мне расстроиться, ты говоришь, что вернешься... Что ж, постараюсь больше не расстраиваться. И не бить на жалость. Это скучно, противно. Не играть же роль Макса, твоего бывшего. Помнишь? «Мне худо – люби меня...» Безвкусица. Следовательно? Буду гордым рогоносцем, это трудно, но возможно. Привыкну к мысли, что мы современная пара. Не будем врать, лицемерить – мы же выше этого. «Монополия хороша в колониальной политике, а не в любви...».

Анни. Прошу тебя, перестань.

Пауза.

Генри. Вся беда в том, что я не могу никакой частью души отделиться от тебя, стать независимым. Я и пишу-то только, чтоб быть достойным тебя и зарабатывать на жизнь с тобой. Жить как хочется. Не тебе, а мне – но именно с тобой. Без тебя мне ничего не нужно. Жрал бы консервы, ходил в грязных рубашках... А так – носки каждый день меняю, деньги зарабатываю, превращаю невнятный бред во внятный – пускай Бродид тоже писателем считается. Правда, из тюрьмы его пока никто не выпускает. Может, судьи почуяли подделку – что-то неподлинное, как в любви блудницы. Meretrix...

Анни. Не ввязывался бы, если считал, что это неправильно.

Генри. Но ты-то считала, что это правильно. Я не могу жить по двум нравственным системам одновременно.

но. Я выбрал твою: то, что ты считаешь правильным, – правильно; и то, что ты делаешь, – правильно; и то, к чему стремишься, – правильно. Были же идолопоклонники, поклонялись Чарли Чаплину. Чем не Бог? Не хуже других. Они любили Чаплина. А я люблю тебя.

Анни. И за это мне все прощаешь? По-твоему, я – эгоистка, свинья, но ты меня любишь и закрываешь на все глаза, да, Генри? Спасибо, конечно, но это не о нас! Было бы много проще, будь я и вправду эгоисткой. С Билли все кончено. Мне он не нужен. Ребенок, который никак не вырастет... Знаешь, я похожа на... Радар – это такое сигнальное устройство?

Генри. Что?

Анни. Радар. От него волны исходят, да?

Генри. Не совсем...

Анна. Ну, не важно. Ты понял?

Генри. Что я должен понять? Везет мне с женами! Ни одна не в состоянии связно изложить мысль...

Анни. погоди. Понимаешь, никакая я не эгоистка. Я даже излучаю волны, сигналы: «Замужем. Никто не нужен». А Билли не словил сигнал, нырнул под радар, в мертвую зону. Безрассудная игра в поезде, а на следующий день мне уже приятно его видеть – знаешь, словно влюбилась. Да что там – словно... Влюбилась по-настоящему. Он не заменил тебя, тебя нельзя заменить, но мне нравилось, что он – младше, что он слушается... Как ученик. А тебя рядом нет... И так далее.

Мне очень жаль, что я причинила тебе боль. Но я это нарочно сделала, почему-то так было нужно. Теперь я уже не понимаю – почему, и чувствую, что глупость, но я не могу взять и бросить Билли, ведь у нас был не гастрольный романчик, все было не так, и я не такая. Я хочу, чтобы он перестал во мне нуждаться, тогда и я перестану щадить его. А пока – приходится. Пока надо выбирать, кому причинить боль. И я выбираю тебя, потому что я – твоя.

Пауза.

Звонит телефон.

А может, просто характер у меня такой.

Генри (*в трубку*). Роджер? Она ушла, минут десять назад. Да знаю, знаю... Нет, мой милый, не рассказывай мне, что такое «непрофессионально»! Кто у нас весь день снимал мемориал павшим, а потом в кадре вылезла тень от операторского крана? Да не вопи ты так, безумец...

Анни (*забирает у него трубку*). Штаны от злости не потеряй, профессионал! (*Вешает трубку, идет к двери. Уже в дверях.*) Пока.

Генри. Анни... (*Пауза.*) Ладно. Иди.

Анни. Ты мне нужен.

Генри. Я знаю.

Анни. Только не разлюби меня. Пожалуйста...

Генри. Не разлюблю. Но у любви – разные лики...
Когда вернешься?

Анни. Не поздно.

Он кивает ей. Она кивает в ответ и выходит. Генри садится. Потом встает, ставит пластинку – «Белее белого» в исполнении «Прокьюл Хэрем» – аранжировку баховской пьесы. Генри улыбаясь слушает баховские аккорды. Вступает певец, и улыбка исчезает с лица Генри.

Генри. Только не это, пожалуйста, только не это...
Затемнение, музыка продолжает звучать.

Сцена двенадцатая

Генри, Анни и Броуди.

Затемнение. Музыка постепенно вытесняет записанный на пленку диалог между Анни и Билли. Билли говорит с шотландским акцентом.

Голос Билли. Будешь меня ждать?

Голос Анни. Буду.

Голос Билли. Пусть все переменится, а ты оставайся прежней, ладно?

Голос Анни. Ладно. Буду ждать тебя из тюрьмы и – перемен.

Голос Билли. У перемен срок подлиннее моего. (Смеется.) Выйду – потороплю их.

К этому времени свет, проявившись вначале, как тусклый отблеск с телеэкрана, набирает полную силу.

Гостиная. Телевизор с видеоприставкой, Броуди сидит в одиночестве – молодой человек двадцати пяти лет, в дешевом костюме, с бокалом чистого виски в руках. Внимание его приковано к экрану. Впрочем, в большей степени его интересует устройство видеоприставки. Голоса в телевизоре смолкают, гулко лязгает дверь камеры, слышны, шаги, музыка. Броуди убавляет звук. Входит Генри с небольшим графиче-

ном воды для Броуди – разбавить виски. На столе бутылка вина и два бокала; свой Генри уже наполнил, а тот, что предназначен Анни, – пуст.

Броуди (*говорит с шотландским акцентом*). Удобная штука – приставка. Давно выпускают?

Генри. А вот как вас посадили, тут их и выпустили.

Броуди. Зверь машина. Пьесу мою записала...

Генри. Да.

Броуди. И почему?

Генри. Ну, несколько сотен. Они разные.

Броуди. Надо будет обзавестись...

Генри. А вы подождите еще немного – может, такую придумают, чтоб прямо из зала суда писала. И новую пьесу сочинять не надо...

Броуди непонимающе смотрит на Генри.

Броуди. А Анни хорошо вышла. Конечно, постарела немного, с «Рози из Королевского приюта» не сравнить, а все же красивая баба.

Генри не отвечает. Из кухни выходит Анни, на подносе у нее соус, орехи, еще что-то. Ставит поднос на стол. Генри наливает ей вина.

Я говорю, ты хорошо смотрелась.

Анни. Правда?

Броуди. А тот красавчик, значит, меня изобразил?

Анни. Да, в общем...

Броуди. Он, часом, не гомик?

Анни. Вряд ли.

Генри подает ей бокал.

Спасибо.

Генри (*кивнув на телевизор, обращается к Броуди*).

Так что скажете?

Броуди. Мне мои слова больше нравились. Не обижаетесь?

Генри. Нет.

Анни. Ничего, все к лучшему...

Броуди. Ты что ж, думаешь, меня из тюрьмы эта пьеса вытащила?

Анни. Нет, я о своем думаю...

Броуди. Меня сами же милитаристы и вытащили!

Генри. Не понял.

Броуди. А чего тут понимать? На оборону тратится полмиллиарда, вот на тюрьмы и не хватает. В камеру по трое-четверо набивают. Тюремное начальство к судьям: перестаньте, мол, сажать, штрафуйте мерзавцев. А те знай сажают. В камерах уже по пятеро... Тут, конечно, у начальства душа в пятки: вдруг бунт? Надзиратели – и те бастуют. И пошло: «Дайте денег на новые тюрьмы!» – «Нельзя, браток, мы деньги на свободу тратим, весь мир от тюрьмы бережем». Ну и стали нас, заключенных, освобождать. Ухватили соль? На ракеты, против которых я протестовал, угрохали кучу денег, меня не на что содержать в тюрьме – и меня выпускают! Умора! Плесни-ка еще. (*Протягивает Анни пустой бокал.*)

Короткая пауза. Генри не двигается.

Анни. Наливай сам, не стесняйся.

Броуди наполняет бокал.

Броуди. Освобожден досрочно. Таких ребят в одном только нашем блоке – восемь. *(Обращается к Генри.)* И этих – как их? – остросоциальных пьес они не писали. Так что я вам ничего не должен.

Генри. Это у вас принцип такой: никого ни за что не благодарить? Даже за угощение.

Броуди. Да я ничего не говорю – вы здорово поработали. Выложились. Подделали пьесу под вкус этих, с телевидения...

Генри. Ваша правда – у режиссеров вкус своеобразный. Не любят пьес, где герои битый час мусолят единственную мыслишку. Терпеть не могут фанатиков и демагогов. Считают, что телевидение – искусство зрелищное. *(К Анни, озадаченно.)* И это – он?

Броуди. Не делайте из меня дурака, Генри. Хватит того, что над пьесой моей покуражились. Я ее с жизни списывал, душу в нее вложил, а он – явился, перекроил все по-умному, по-интеллигентному... На меня-то вам плевать, ради Анни старались. Вижу, не слепой...

Анни *(к Генри)*. Нет, это не он.

Броуди. Да я это, я, черт возьми! Какого в поезде встретила. Ты, что ли, очень переменилась?

Анни. И это не он. *(Кивает на телевизор.)* Знаешь,

какого я в поезде встретила? Беспомощный, испуганный, как теленок... Что-то в части у него стряслось, кажется, не поладил с кем-то – и сбежал в самоволку. Заговорил со мной – скромный, смущенный. Мол, по «Рози из Королевского приюта» узнал. О марше протеста впервые услышал от меня. И в Лондоне, конечно, уже не отставал – куда угодно за мной пошел бы, хоть в ку-клукс-клан... А у мемориала павшим вдруг вытаскивает такую огромную хромированную зажигалку, взбирается по ступеням на самый верх, к венкам... В голове только одно – впечатление на меня произвести. В общем, я его в эту историю втянула, мне и выручить было...

Генри. Зря ты мне раньше всей правды не сказала. Я бы такую пьесу написал...

Броуди. Слушайте, я ведь еще не ушел.

Анни. Так допивай, Билл.

Броуди. И допью. *(Осушает бокал, поднимается.)*
Соус, пожалуй, в другой раз попробую.

Анни. А почему бы не теперь? *(Берет миску и выплескивает соус ему в лицо. На минуту оставляет дверь открытой, выходит в коридор, приносит Броуди пальто.)*

Генри встает, но Броуди остается на месте, тщательно вытирается носовым платком.

Генри. Было очень приятно познакомиться. Я столько о вас слышал...

Броуди. Я не в обиде. Генри. Теперь сочлись. Помню, пришла она ко мне в тюрюгу в голубом платье – у меня аж дух захватило, а она такая далекая, недоступная, точно снова на экране... Я тогда впервые по-настоящему почувствовал, что я в тюрьме. Ну, вы понимаете...

Анни стоит в дверях с пальто Броуди. Он берет пальто и не глядя на нее, выходит. Анни – следом. Хлопает входная дверь, Анни возвращается.

Генри. Не знаю, каково было ему, но я до смерти перепугался. Ты-то как, в порядке?

Она кивает.

Анни. А ты?

Звонит телефон. Генри снимает трубку.

Генри. Слушаю. *(В трубку, вдруг смутившись.)* А, здравствуй... С Анни хочешь поговорить?

Анни. Не надо.

Генри *(вдруг успокоившись)*. Не может быть. Макс! *(К Анни.)* Это твой бывший. Он женится! *(В трубку.)* Поздравляю. Кто она?

Генри и Анни обмениваются многозначительными взглядами. Анни подходит к Генри сзади, обнимает за плечи, устало приникает; он говорит в трубку.

Мудрое решение. Жена-актриса – это же караул, второй раз такого не вынести.

Анни целует его. Он прикрывает рукой микрофон. (В трубку). В самом деле? Неужели в толпе?

Анни. Я устала. Спаси меня.

Он прикрывает микрофон.

Генри. Успокойся. Я с тобой... *(В трубку.)* Приятно слушать, Макс... *(К Анни.)* Идиот! Говорит: «Я на тебя не сержусь». Да если б не я, не видать ему второй жены.

Анни с улыбкой отходит от него, начинает тушить повсюду свет. Под конец остается лишь свет из открытой двери в спальню.

(В трубку.) Ее нет дома... Она так расстроится... Да нет, оттого, что ты позвонил без нее... Нет, этому очень обрадуется. Я тоже рад за тебя.

Макс. Хорошая штука любовь!

Анни, выключив весь свет, уходит в спальню. Генри, подавляя нетерпение, пытается закончить разговор.

Будем счастливы познакомиться с ней. Что? Неужели? *(Он рассеянно включает крошечный радиоприемник, оттуда тихонько льется музыка – «Я верю», группа «Манкиз». Он мгновенно увлекается, забывает про Макса. В трубке громко трещит.)* Извини. Я слушаю, слушаю... *(Чуть прибавляет звук в приемнике.)*